

ДЖЕЙМС КОРИ

**ВРАТА
АБАДДОНА**

**JAMES S. A. COREY
ABADDON'S GATE**

Пространство

Джеймс Кори

Врата Абаддона

«СОЮЗ»

2013

Кори Д. С.

Врата Абаддона / Д. С. Кори — «СОЮЗ»,
2013 — (Пространство)

Мирное будущее Солнечной системы снова в опасности. Виной всему инопланетная протомолекула, которая уже уничтожила население Венеры и продолжает быстро развиваться, образовав на орбите Урана гигантское Кольцо – зловещий портал, ведущий в беззвездную тьму. Ракетносец «Росинант», под командованием Джима Холдена, в составе обширной флотилии научных и военных судов, направляются к Кольцу, чтобы исследовать таинственный объект. И в то время, как посланники человечества пытаются понять, открывает ли Кольцо новые возможности, или таит в себе скрытую угрозу, Холдену предстоит встретиться с куда более серьезной опасностью... Не пропустите третий роман из цикла «Пространство» /The Expanse» – вершины современной космической фантастики.

© Кори Д. С., 2013
© СОЮЗ, 2013

Содержание

Пролог. Манео	6
Глава 1. Холден	11
Глава 2. Бык	17
Глава 3. Мелба	23
Глава 4. Анна	28
Глава 5. Бык	33
Глава 6. Холден	38
Глава 7. Мелба	44
Глава 8. Анна	49
Глава 9. Бык	55
Глава 10. Холден	60
Глава 11. Мелба	67
Глава 12. Анна	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джеймс Кори Врата Абаддона

James S. A. Corey
Abaddon's Gate

© перевод с английского, Галина Соловьева
© ИП Воробьёв В. А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

*Уолтеру Йону Уильямсу, который показал нам, как это делается,
и Керри Воган, заверившей, что мы не слишком напортачили.*

Пролог. Манео

Манео Джанг-Эспиноза – для друзей на Церере просто Нео – сжался в комок в маленькой рубке маленького кораблика, которому он дал имя «И Ке»¹. Он ждал добрых три месяца, а теперь до минуты, когда он войдет в историю, осталось часов пятьдесят. Продукты закончились два дня назад. Питьевая вода – пол-литра переработанной мочи, уже невесть сколько раз прошедшей через него. Все, что можно отключить, было отключено. Реактор он заглушил. Пассивное наблюдение оставил, а все активные датчики убрал. Свет в рубке шел только от терминалов наблюдения. Нео завернулся в одеяло, подоткнув уголки в крепления, чтобы не улетело. Подогрев одеяла тоже отключил. Широковещательный и лучевой передатчики молчали, позывные он заткнул еще до того, как вывел имя на корпусе корабля. Не для того он так далеко залетел, чтобы случайным писком выдать себя флотилии.

Пятьдесят часов – даже меньше. Только всего и надо, что остаться незамеченным. И ни во что не врезаться, но уж это в лас манос де диос².

С подпольным обществом «пращников» его познакомила кузина Эвита. Познакомила три года назад, ему как раз исполнилось пятнадцать. Он болтался без дела по семейной норе: мать была на работе, на своей водораздаточной станции, отец – на совещании группы надзора за дробилками, а Нео торчал дома – в четвертый раз за месяц пропуская занятия. Когда система оповестила, что кто-то стоит у дверей, парень решил, что пришли выговаривать ему за прогулы. А это оказалась Эвита.

Она была двумя годами старше – дочка его тети по матери. Из настоящих астеров. Они оба имели одинаково тонкие длинные тела, но Эвита была здешняя. Он на нее с первого взгляда запал. Она ему снилась без одежды. Снилось, как он ее целует. И вот она пришла, и они в доме вдвоем. Пока Нео открывал дверь, сердце забилося в три раза сильнее.

– Эса, унокабятя³, – сказала девушка, с улыбкой помахав рукой.

– Хой! – отозвался он, стараясь казаться крутым и спокойным.

Нео, как и она, вырос в большом космическом городе – станция Церера являлась именно городом, – но у его отца была низкая коренастая фигура, которая выдавала в нем землянина. Нео владел космополитическим жаргоном астеров не хуже Эвиты, но для нее это был родной язык, а Нео с ним чувствовал себя так, словно напялил чужую куртку.

– Тут койо собираются на портсайте⁴, у Сильвестари Кампоса, – сообщила Эвита, поведя бедром и мягко кривя блестящие губы. – Ходу?

– Ке но?⁵ – отозвался Нео. – Все равно делать нечего.

Позже он сообразил, что на него запала Мила Сана – марсианка с кобыльим лицом, чуть моложе него, и все решили, что это может оказаться забавным – посмотреть, как уродливая внутрячка увивается за полукровкой, но к тому времени Нео было все равно. Он познакомился с Сильвестари Кампосом и узнал о «пращниках».

Делалось это так. Какой-нибудь койо заполучает судно. Находит брошенное или разбитое, покупает по дешевке – случаются, наверное, и краденые. Главное, чтобы была реактивная тяга, предохранители и чтобы запаса воздуха хватило. Потом ему надо вычислить траекторию. Без эпштейновской тяги топливо быстро выгорает, далеко не улетишь. Хитрость заключалась в том, чтобы одним толчком выбросить корабль из поля притяжения планеты или спутника,

---

¹ «Ну и что?» (Здесь и далее астерский диалект, являющийся смесью разноязычной лексики.)

² Руках божьих.

³ Привет, кузен.

⁴ Тут ребята собираются в портовой части станции.

⁵ Почему бы и нет?

использовать инерцию вращения и, как камень из пращи, лететь, куда забросит. И еще требовалось заранее придумать, как вернуться живым. Это предприятие оказалось замаскировано не хуже, чем сети Локи Грейги или «Золотой ветви». Наверное, гангстеры за ним и стояли. Все это было дьявольски незаконно, и кто-то где-то делал на них ставки. Зато, если ты возвращался, тебя все знали. Ты мог завалиться на любую вечеринку, пить вволю, болтать, что в голову придет, и если бы твоя ладонь вдруг легла на грудь Эвиты Джанг, та не стала бы ее сбрасывать.

Вот так и вышло, что у Нео, которому всегда и все было по фигу, завелось честолюбие.

* * *

– *Не следует забывать, что Кольцо – не волшебное,* – заявила марсианка. В последние месяцы Нео постоянно смотрел новости о Кольце, и эта девица нравилась ему больше других комментаторов. Симпатичная, с приятным выговором. Не такая толстая, как земляне, но и не из астеров. Такая же, как он сам. – *Мы пока его не понимаем и, возможно, поймем только через десятилетия. Однако последние два года принесли самые волнующие и интересные технологические прорывы со времен изобретения колеса. Еще десять-пятнадцать лет, и мы найдем применение тому, что узнали, наблюдая за протомолекулой. И тогда...*

– *Плод. С. Отравленного. Древа,* – проговорил старый морщинистый койо, сидевший рядом с ведушей. – *Мы не смеем забывать, что все это выросло из массового убийства. Преступники и чудовища из «Протогена» и «Маоквик» выпустили протомолекулу на мирное население. То, что началось с бойни, не принесет добра.*

Камера обратилась к девушке, которая, с улыбкой качая головой, смотрела на старика.

– *Рабби Кимбл,* – сказала она. – *Мы вступили в контакт с явно нечеловеческим артефактом, который захватил Эрос, потратил почти год на подготовку в кошмарной скороварке Венеры, затем выбросил массивный комплекс к орбите Урана и выстроил там тысячекilометровое кольцо. Никакие моральные соображения не заставят игнорировать эти факты.*

– *Эксперименты Гиммлера в Дахау...* – завел было морщинистый старикан, помавая пальцем в воздухе, но теперь уже марсианка его перебила:

– *А нельзя ли оставить тысяча девятьсот сороковые в прошлом?* – проговорила она тоном, подразумевавшим: «Я проявила достаточно терпения, но хватит глупостей!» – *Речь идет не о космических нацистах, а о важнейшем в человеческой истории событии. «Протоген» сыграл в нем ужасную роль и понес наказание. Теперь же нам надо...*

– *Не о космических нацистах!* – завопил старикан. – *Нацисты – не из космоса! Они здесь, среди нас. Они – звериная сторона нашей собственной природы. Используя эти открытия, мы оправдываем путь, который привел к ним.*

Милашка закатила глаза и обратила умоляющий взгляд к ведушему. Тот пожал плечами, чем еще сильнее взбудоражил старикашку.

– *Кольцо – соблазн ко греху!* – выкрикнул тот. В уголках его рта белели капельки слюны, и видеоредактор не стал их ретушировать.

– *Мы не знаем, что это такое,* – возразила хорошенькая. – *Учитывая, что протомолекула была предназначена для воздействия на Землю, населенную одноклеточными организмами, а попала на Венеру, питаясь бесконечно более сложной средой, она, возможно, вовсе вышла из строя, и, во всяком случае, грех и соблазн тут ни при чем.*

– *Вы называете «более сложной питательной средой» человеческие жертвы? Изуродованные тела невинных?*

Нео убрал звук и еще немного полюбовался, как эти люди жестикулируют.

На разработку траектории «И Ке» ушли месяцы. Следовало выбрать время, когда Юпитер, Европа и Сатурн займут подходящие позиции. Точность требовалась такая, как если бы,

за полкилометра бросив дротик, кто-то срезал бы им крылышко плодовой мушки. С Европой фокус выходил особенно сложным. Надо было пройти над юпитерианским спутником, а потом так близко к газовому гиганту, что возникал риск угодить в его гравитационное поле. Затем шел долгий полет к Сатурну, где надо было подкрутиться на его орбите и двигать дальше, в пустоту, уже без ускорения, зато на скорости, о которой маленький межпланетный челнок никогда и мечтать не смел. Через миллионы километров вакуума – к цели мелкой, как комариная задница.

Нео вообразил, какие рожи будут у всех этих ученых и вояк, скопившихся вокруг Кольца, когда кораблик без позывных, летящий по баллистической кривой, выпрыгнет откуда ни возьмись и проскочит напрямик в Кольцо на ста пятидесяти тысячах в час. У него не хватит топлива, чтобы полностью погасить такую скорость, но он затормозит настолько, чтобы они могли выслать за ним спасательный корабль.

Срок, конечно, отсидеть придется. Года два, пожалуй, если власти всерьез разозлятся. Но дело того стоило. Одни только сообщения друзей по черной сети, сливавшиеся в хор: «Черт побери, никак дело выгорит!» – уже того стоили. О самом дальнем броске пращи в истории будут толковать и сто лет спустя. Ну, потратил он несколько месяцев, налаживая «И Ке», еще несколько на полет, и еще отсидит срок. Не так уж много – зато он будет жить вечно! Оставалось двадцать часов.

* * *

Самая большая опасность – окружившая Кольцо армада. Земля и Марс уже несколько месяцев как загнали вусмерть свои флоты, но то, что осталось, – большей частью собралось здесь. Или сидит на внутренних планетах, но о тех Нео мог не волноваться. В системе околачивалось два или три десятка больших военных кораблей, они присматривали друг за другом, между тем как научные суда пищали и вслушивались в эхо, тихонько дрейфуя в паре тысяч километров над Кольцом. И все вояки здесь находились затем, чтобы никто не полез трогать руками. Как они всполошились!

Даже учитывая, что весь этот металл с керамикой был втиснут в крохотный уголок пространства, даже при том что диаметр Кольца составлял паршивую тысячу километров, шансы во что-нибудь врезаться казались не так уж велики. Пустоты здесь было гораздо больше, чем всего остального. Да если он и врежется в какой-то из кораблей флотилии, беспокоиться ему уже не придется, так что Нео отдался на милость Девы Марии и принялся устанавливать высокоскоростные камеры. Когда все наконец случится, то промелькнет так быстро, что и не заметишь, что попал в цель, пока данные не проанализируешь. А рекорд надо удостоверить. Нео включил записывающую аппаратуру передатчика.

– Хой, – обратился он к камере. – Говорит Нео. Нео соло, капитан и команда суверенной астерской гоночной шлюпки «И Ке». Миелиста ми. Шесть часов до самого дальнего прыжка с тех пор, как Бог сделал человека. Ес па ми мамы, милой София Бран, и Господа нашего Спасителя Иисуса. Смотрите хорошенько, моргнешь – пропустишь, ке са?

Он просмотрел файл. В записи видок еще тот. Времени, пожалуй, хватало, можно было сбрить тощую бороденку или хотя бы стянуть в хвост волосы. И еще Нео пожалел, что не приналег на тренировки – плечики как у цыпленка. Ну, теперь уже поздно. А вот подобрать другой угол съемки можно было. Ускорения нет, гравитация не помешает.

Он попробовал снимать с двух разных точек и наконец, удовлетворив тщеславие, выключил запись. Выбросит ее в эфир за двадцать секунд, а потом сразу переключится на наружные камеры. Больше тысячи кадров в секунду, и все равно Кольцо может промелькнуть в паузе. Оставалось надеяться на лучшее. Другой камеры уже не достать, даже если на свете и существует что-то круче.

Допив воду, он пожалел, что не запас побольше еды. Тюбик с протеиновой пастой сейчас очень не помешал бы. Ничего, скоро все закончится. Его подберут земляне или марсиане, у них будет приличный туалет, питьевая вода и паек для заключенного. Нео ждал плена чуть ли не с надеждой.

Спящий коммутатор пробудился и завизжал, что принял направленный луч. Нео открыл связь. Судя по шифровке, отправлено было из черной сети, и достаточно давно, раз догнало его здесь. Не ему одному хотелось показать себя.

Эвита была по-прежнему красива, но теперь, когда начала зарабатывать и закупать части для строительства «И Ке», больше походила на взрослую. Еще пять лет, и станет обычная тетка. И все же Нео к ней не совсем остыл.

– Эсо, унокабятя, – сказала Эвита. – Мир смотрит на тебя. Тода ауге. Я тоже.

Она улыбнулась, и на долю секунды Нео поверил, что она задерет рубашку. На счастье. Луч пропал. Два часа.

* * *

– Повторяю: марсианский фрегат «Люсьен» обращается к неопознанному кораблю, идущему курсом к Кольцу. Отвечайте немедленно, или мы открываем огонь.

Три минуты. Его заметили слишком рано. До Кольца еще три минуты, а он рассчитывал быть незамеченным, пока не останется меньше одной.

Нео прокашлялся.

– Не надо, ке са? Не надо. Это «И Ке», гоночная шлюпка с Цереры.

– У вас отключены позывные, «И Ке».

– Сгорел передатчик, ага. Мне бы помощь не помешала.

– Радио у вас в полном порядке, но я что-то не слышу аварийного сигнала.

– Так не авария же, – отозвался он, растягивая слова, чтобы выиграть хоть несколько секунд. Заговорить бы им зубы... – Иду на баллистической. Могу включить реактор, но это займет пару минут. Подсобите, а?

– Вы в запретной зоне, «И Ке», – сказал марсианин, и Нео почувствовал, как по лицу у него расплзается улыбка.

– Не троньте меня, – проговорил он. – Не троньте, сдаюсь. Мне только притормозить, сейчас и начинаю, не злитесь так.

– У вас десять секунд, чтобы изменить траекторию на курс от Кольца, – потом мы открываем огонь.

Вместе со страхом пришло ощущение победы. Получается! Он целит прямо в Кольцо и, таким образом, сбивает их с толку. Одна минута. Нео начал разогревать реактор. С этого момента ему даже лгать не придется. Все сенсоры предупреждали, что их нащупали прицельным лучом.

– Не стреляйте, – повторил Нео, ежась и ерзая от нетерпения. – Прошу вас, сэр, не стреляйте. Я сейчас заторможу, сейчас!

– Пять секунд, «И Ке».

Еще тридцать секунд. Экран распознавания «друг-враг» включился вместе с остальными корабельными системами. «Люсьен» оказался совсем рядом. Может, семьсот километров. Ясно, они его увидели, на таком расстоянии «И Ке», наверное, светится, как рождественская гирлянда. Просто не повезло.

– Стреляйте, коли приспичило, но я торможу.

Прозвучал сигнал тревоги. На дисплее возникли две новые точки. Эти ихос де пута⁶ и вправду выпустили торпеды.

Пятнадцать секунд. Он успеет. Нео включил запись и наружные камеры. Кольцо где-то рядом, но тысяча километров – слишком мало, чтобы различить темный объект невооруженным глазом. Он видел только полную звезд бездну.

– Не стреляйте, – заорал он марсианам. – Не стреляйте!

Три секунды. Торпеды настигали его.

Одна секунда.

И все звезды до одной моргнули.

Нео постучал по монитору. Пусто. Распознаватель ничего не показывал. Ни фрегата, ни торпед. Ничего.

– А вот это, – сказал он, ни к кому не обращаясь, – жутко странно.

Что-то на мониторе засветилось голубым, и он придвинулся ближе, будто несколько дюймов, отделявших его от экрана, могли что-то изменить.

Сенсор, запускавший перегрузочную тревогу, реагировал через пять сотых секунды. Сигнал включался еще через три сотых – нужно было время, чтобы ток по проводам дошел до красной лампочки и аварийной сирены. Маленькие датчики на консоли, рассчитанные на торможение девятно до девяти *g*, зажигали свои светодиоды с неторопливостью движения ледника – целых полсекунды. К этому времени Нео уже превратился в красную кляксу в кубрике – торможение швырнуло его вперед, сквозь экран, на дальнюю переборку. Еще пять долгих секунд корабль скрипел и сопротивлялся. Не он останавливался – его останавливали.

В непроглядной темноте работали наружные камеры, посылая в эфир тысячу кадров пустоты в секунду.

А потом – и не только пустоты.

---

⁶ Сукины дети.

Глава 1. Холден

Когда он мальчишкой жил на Земле, под открытым голубым небом, одна из его матерей три года мучилась нестерпимыми мигренями. Тяжело было видеть ее бледной, потной от боли, но еще хуже казались сопровождающие приступы симптомы ауры. Она наводила порядок в доме или разбиралась с контрактами по своей юридической практике, и вдруг левая рука у нее сжималась в кулак до хруста в сухожилиях. Глаза переставали фокусироваться, зрачки расширялись, заливая чернотой голубую радужку. Глядя на очередной такой припадок, Холден думал: этого раза она не переживет.

Ему было тогда шесть лет, и он никогда не рассказывал родителям, как пугали его мигрени матери, – даже когда они прошли. Страх стал привычным. Мальчик почти ждал его. Когда это начиналось, ужас должен был отступить, да, вероятно, и отступал, но вместо него появлялось ощущение захлопнувшегося капкана. Приступ мог повториться в любую минуту, и его было никак не избежать. Это чувство отравляло все – хотя и немного.

Чувство, будто тебя преследуют призраки.

* * *

– Заведение всегда в выигрыше! – прокричал Холден.

Они с командой – Алексом, Амосом и Наоми – сидели за отдельным столиком в VIP-зале самого дорогого отеля Цереры. Даже здесь звон, свистки и электронные выкрики игровых автоматов заглушали спокойный голос. Те немногие частоты, которыми не завладели автоматы, были заполнены звонким щебетом патинко и басовыми аккордами играющих на трех сценах казино оркестров. Все вместе складывалось в звуковую стену, от которой у Холдена вибрировал желудок и звенело в ушах.

– Что? – проорал в ответ Амос.

– В конечном счете выигрывает всегда заведение.

Амос уставился на лежавшую перед ним гору фишек. Они с Алексом подсчитывали и делили выигрыш перед следующей вылазкой к игорным столам. На глаз Холден оценил добычу тысяч в пятнадцать новых церерских йен – и это всего за час. Впечатляющий результат. Если сумеют остановиться, унесут выигранное. Только они, конечно, не остановятся.

– Ну, – удивился Амос. – И что с того?

Холден с улыбкой пожал плечами.

– Да ничего.

Если его команде охота продуть несколько тысяч, спуская пар в азартных играх, кто он такой, чтобы им мешать? По правде сказать, проигрыш – сущий пустяк в сравнении с выплатой по последнему контракту, а это лишь один из трех контрактов, выполненных за последние четыре месяца. Год выходит тучным.

За последние три года Холден допустил немало ошибок. Но решение уйти из АВП и стать независимым к ним не относилось. С тех пор как он заявил свой корабль как вольное курьерское и сопроводительное судно, «Росинант» получил несколько заданий, и все оказались выгодными. Деньги команда потратила на переоборудование корабля от носа до кормы. «Росинанту» за пару лет сильно досталось, он заслужил любовь и заботу.

Когда корабль привели в порядок, на общем счете еще остались деньги – девять их было некуда, – и Холден потребовал с команды список пожеланий. Наоми оплатила установку перегородки в их каюте, разделив ее на две комнаты. Теперь у них имелась кровать, в которой умещались двое, и еще осталось место, чтобы ее обойти. Алекс, напомнив, как сложно закупать для

корабля боевые торпеды, потребовал установить на «Роси» килевую рельсовую пушку. Вооружение было мощнее орудий точечной обороны, а снарядами для пушки служили двухфунтовые вольфрамовые болванки. Амос спустил тридцать штук на Каллисто – закупил последние новинки для двигателя. Холден попробовал напомнить, что «Роси» и так способен разогнаться до скоростей, которых команда не переживет, так что совершенствовать его нет нужды, но Амос возразил: «Зато круто!» Холден усмехнулся, кивнул и оплатил счет.

Даже после первых безудержных трат они еще могли выплачивать самим себе жалование в пять раз больше, чем на «Кентербери», и снабжать корабль водой, воздухом и топливными стержнями в течение десяти лет.

Возможно, это была временная удача. Случатся еще и черные дни, когда работы не подвернется и придется экономить.

Но не сегодня.

Амос с Алексом закончили подсчет фишек и теперь кричали в уши Наоми, соблазняя сыграть и ее. Холден махнул официанту, и тот подскочил принять заказ. Здесь, в VIP-зале, электронные заказы были не в ходу.

– Что у вас из скотчей, выгнанных из натурального зерна? – спросил Холден.

– Есть несколько ганимедской перегонки, – ответил официант. Он наострился среди этого грохота, не напрягая голоса, добиваться, чтобы его слышали, да еще и улыбаться. – Но для разборчивых джентльменов с Земли найдется шестнадцатилетний лагавулин – мы запасли несколько бутылок.

– Что? Вы имеете в виду настоящий скотч из Шотландии?

– Точнее сказать, с острова Айла, – кивнул официант. – По тысяче двести бутылка.

– Давайте!

– Слушаю, сэр, и четыре рюмки.

Официант склонил голову и направился к бару.

– Мы идем играть, – со смехом сообщила Наоми. Амос, спихнув со своего подноса часть фишек, подтолкнул их к ней. – Пойдешь с нами?

Оркестр в соседнем зале затих, и на несколько секунд уровень шума снизился до сносного – но кто-то за стеной тут же запустил «музак».

– Погодите, ребята, – предложил Холден. – Я заказал бутылочку недурного пойла и хочу поднять еще один тост, пока мы не разбежались на эту ночь.

Амос нетерпеливо вертел головой, пока не подали бутылку, потом несколько секунд рассматривал этикетку.

– Ага, ну, ради этого, пожалуй, стоило подождать.

Холден разлил всем и поднял рюмку.

– За лучший корабль и лучшую команду, с какой я имел честь служить, – и чтобы нам платили!

– Чтобы нам платили! – повторил Алекс и, взяв в руки, принялся разглядывать бутылку. – Нельзя ли загрузить таких на «Роси»? Можете вычесть из моего жалованья.

– Поддерживаю, – сказала Наоми и, перехватив бутылку, разлила всем по новой.

На несколько минут были забыты и груды фишек, и соблазны карточных столов. Холден того и добивался. Удержать их вместе еще на несколько минут. Когда он служил на других кораблях, прибытие в порт оказывалось шансом хоть на несколько дней избавиться от опостылевших лиц. Теперь все обстояло по-другому. С этой командой – не так. Он заглушил сентиментальный порыв выпалить: «Я люблю вас, ребята!» – залив его новой порцией виски.

– Последний удар – и в путь! – предложил Амос, взяв бутылку.

– Мне уже в голову ударило, – отозвался Холден и, встав из-за стола, покачиваясь сильнее, чем ожидал, направился к туалетам. Скотч быстро добрался до мозгов.

Туалеты в VIP-зале сверкали роскошью. Здесь не было ряда писсуаров и раковин – вместо них имелась дюжина дверей в отдельные кабинки, каждая со своим унитазом и раковиной. Холден вошел и заперся на задвижку. Сквозь дверь шум почти не проникал. Отчасти казалось, что ты шагнул за край мира. Может, так оно и задумывалось. Холден был благодарен архитектору казино, предусмотревшему относительно тихое местечко. Он не слишком удивился бы, увидев над раковиной игровой автомат.

Справляя свои дела, Холден придерживался ладонью за стену. Струя еще не иссякла, когда в кабинке на миг стало светлее, хромированная ручка отразила слабую голубую вспышку. И страх ударил под ложечку.

Опять.

– Богом клянусь... – заговорил Холден, завершил дело и застегнул молнию. – Тебе же лучше будет, Миллер, если, оглянувшись, я тебя не увижу.

Он обернулся.

И увидел Миллера.

– Привет... – начал покойник.

– Нам надо поговорить, – закончил за него Холден и повернулся к раковине вымыть руки.

На мраморном столике расселись крошечные голубые светлячки. Он хлопнул по ним, но, когда поднял руку, ладонь оказалась чистой.

Отражение Миллера в зеркале пожало плечами. Двигался он неприятными для глаза рывками, напоминал часовой механизм, у которого кончается завод. Человек – и в то же время не человек.

– Здесь сейчас все, – сказал покойник. – Я не хочу говорить о том, что случилось с Джули.

Холден вытащил из стоявшей рядом корзины полотенце и, прислонившись к краю мойки спиной, стал медленно вытирать руки. Его трясло – его каждый раз трясло. Чувство злобной угрозы коснулось позвоночника – так всегда бывало в подобных случаях. Холден ненавидел это чувство.

Детектив Миллер улыбнулся чему-то невидимому для Холдена.

Этот человек работал в службе безопасности Цереры и самовольно отправился на поиски пропавшей девушки. Однажды он спас Холдену жизнь. На глазах у Холдена Миллер вместе с астероидной станцией и тысячами жертв протомолекулы врезался в Венеру. На том же астероиде была Джули Мао – девушка, которую Миллер искал и нашел слишком поздно. Год чужаки что-то вынашивали и строили под густой венерианской облачностью. Когда завершенная громада поднялась из глубины и, подобно гигантскому морскому чудовищу, поплыла за орбиту Нептуна, с ней всплыл и Миллер.

И теперь в каждом его слове звучало безумие.

– Холден, – сказал Миллер, но это было не обращение, а описание собеседника. – Да, вполне резонно. Ты не из них. Эй, ты меня послушай!

– Ну так говори. Хватит с меня этой фигни. Уже скоро год, как ты мне являешься, и ни разу не сказал ничего осмысленного. Ни разу!

Миллер отмахнулся. Старый сыщик дышал все чаще, пыхтел, словно пробежал дистанцию. На его бледной, сероватой коже блестели бусинки пота.

– Там в восемнадцатом секторе был нелегальный бордель. Мы думали застать пятнадцать, ну два десятка. Может, чуть больше. Входим, а там все ободрано до голого камня. Об этом надо подумать. Это что-то значит.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил Холден. – Просто скажи, чего тебе надо, а?

– Я не сумасшедший, – продолжал Миллер. – Когда я сойду с ума, меня убьют. Господи, меня убили? – Он шумно втянул в себя воздух. Губы потемнели, кровь под кожей стала черной. Детектив опустил руку на плечо Холдену. Рука была тяжелой. Слишком тяжелой и плотной –

словно Миллера переделали, заменив кости железом. – Все пошло прахом. Мы добрались, но там пусто. Все небо пустое.

– Я не понимаю.

Миллер склонился к нему. Дыхание его пахло ацетоном, взгляд был прикован к лицу Холдена, брови умоляюще приподняты: пойми!

– Ты должен мне помочь, – сказал Миллер. Сосудики в белках глаз были почти черными. – Они знают, что я умею искать. Они знают, что ты мне поможешь.

– Ты мертв, – вырвалось у Холдена.

– Все мертвы, – ответил Миллер и убрал руку с плеча Холдена. Озабоченно насупился и отвернулся. – Почти.

Почти.

У Холдена загудел терминал, он достал аппарат из кармана. Наоми спрашивала: «Ты там не провалился?» Холден начал набирать ответ – и бросил, сообразив: он не знает, что сказать.

Миллер заговорил снова, и в голосе было тихое детское изумление.

– Ба! Это случилось! – сказал Миллер.

– Что случилось? – спросил Холден.

Хлопнула дверь соседней кабины, и Миллер пропал. Запах озона и какой-то густой органики, как в корабельной мастерской, остался единственным напоминанием о его визите. Да и тот, возможно, существовал только в воображении Холдена.

Холден постоял немного, выжидая, пока растает во рту меднистый вкус. Выжидая, пока уймется сердцебиение. Когда ему полегчало, умыл лицо холодной водой и вытер мягким полотенцем. Далекий приглушенный гомон из залов взорвался воплями. Кто-то сорвал банк.

Он им не скажет. Наоми, Амосу, Алексу. Они вправе наслаждаться жизнью без вмешательства того, чем стал Миллер. Холден признавал, что желание утаить происходящее – иррационально, но привычка прикрывать друзей оказалась так сильна, что он не слишком сомневался в себе. Чем бы ни был Миллер, Холден встанет между ним и «Роси».

Он рассматривал свое отражение, пока оно не достигло совершенства. Беззаботный подвыпивший капитан благополучного независимого корабля – в отпуске на берегу. Спокоен и счастлив. Холден вернулся в грохочущее казино. На миг показалось, что он окунулся в прошлое. Казино на Эросе. Павильон смерти. Огни горели слишком ярко, звуки разносились слишком громко. Холден протолкался к своему столику и налил себе еще виски. Эту порцию можно немножко растянуть. Насладиться ароматом и веселой ночью. За спиной кто-то взвизгнул от смеха. Всего лишь от смеха.

Через несколько минут подошла Наоми, выступила из сутолоки и хаоса – безмятежная и женственная. Полупьяная, рвущаяся наружу любовь нахлынула новой волной. Они не один год вместе ходили на «Кентербери», прежде чем Холден понял, что любит ее. Оглядываясь назад, он в каждой ночи, проведенной с другими, видел упущенный шанс дышать одним воздухом с Наоми. Что думала она, он даже не догадывался. Холден подвинулся, освободил ей место.

– Обчистили тебя?

– Алекса, – поправила Наоми. – Обчистили Алекса.

Я свои фишки ему отдала.

– Невиданная щедрость! – ухмыльнулся он.

В темных глазах Наоми мелькнуло сочувствие.

– Опять Миллер объявлялся? – спросила она, склоняясь поближе, чтобы не кричать.

– Мне иногда не по себе делается – уж очень легко ты видишь меня насквозь.

– У тебя все на лбу написано. А Миллер не в первый раз устраивает засаду в уборной.

Он не стал вразумительнее?

– Нет, – сказал Холден. – Он словно обращается к неисправной электропроводке. Я даже не всегда уверен, что он меня замечает.

- На самом деле это, скорее всего, не Миллер, так?
- От протомолекулы, нарядившейся Миллером, мне еще жутче.
- Это точно, – признала Наоми. – Он хоть что-нибудь новенькое сказал?
- Пожалуй, сказал. Он сказал, что-то случилось.
- Что?
- Не знаю. Он просто заявил: «Это случилось» – и пропал.

Они посидели вдвоем, молчаливые среди гула голосов. Наоми переплела его пальцы со своими, наклонилась, чмокнула в правую бровь и потянула со стула.

- Идем.
- Куда идем?
- Научу тебя играть в покер, – сказала она.
- В покер я умею.
- Это тебе так кажется, – ответила она.
- Подначиваешь?

Она улыбнулась и потянула настойчивее.

Холден покачал головой.

– Если хочешь, давай вернемся на корабль. Соберем несколько человек и сыграем в тихой компании. Здесь нет смысла – заведение всегда в выигрыше.

– А мы здесь не для того, чтобы выигрывать, – произнесла Наоми так серьезно, словно на что-то намекала. – Мы здесь, чтобы играть.

* * *

Известие пришло через два дня. Холден сидел в камбузе, доедал прихваченный из портового ресторана рис с чесночным соусом, тремя видами бобов и чем-то настолько похожим на курятину, что можно было принять за натуральную. Амос с Наоми присматривали за погрузкой питания и фильтров для восстановительной системы. Алекс спал в кресле пилота. На других кораблях, где доводилось служить Холдену, команда никогда не собиралась в полном составе раньше, чем к отлету. Все охотно провели бы пару ночей в портовых гостиницах, притворяясь, что они дома. Но для их команды «Росинант» и был домом.

Холден прогонял местные новости на ручном терминале, щелкал каналами из дальних частей системы. Утечка информации с сайта новой игры «Бандао солайс» означает, что личные данные шести миллионов человек попали на пиратский сервер с орбиты Титана. Марсианские военные эксперты обеспокоены ростом расходов на восстановление ущерба от битвы на Ганимеде. На Земле Африканский союз фермеров нарушил запрет на применение азотфиксирующих бактерий. На улицах Каира митинги в поддержку запрета и против него.

Холден бездумно переключал каналы, скользя мыслями по поверхности новостей, когда одна из станций высветила красную полосу. И еще одна. И еще. От заголовков статей у него застыла кровь в жилах. Это называли Кольцом. Гигантское нерукотворное образование, которое, стартовав с Венеры, покрыло неполных две а.е.⁷ и, остановившись за орбитой Урана, обосновалось там.

Холден внимательно читал новости и чувствовал, как от страха стягивается комок под ложечкой. Когда он поднял голову, в дверях стояли Наоми и Амос. В руках Амос держал терминал с такой же красной полосой на дисплее.

- Видел, кэп? – спросил Амос.
- Угу.
- Какой-то засранец захотел проскочить в Кольцо.

---

⁷ Астрономические единицы.

– Угу.

Цереру с Кольцом разделял огромный океан пустоты, однако известие, что какой-то балбес на дешевом суденышке вошел в кольцевую структуру с одной стороны и не вышел с другой, добралось сюда всего за пять часов. А случилось это два дня назад. Два дня правительственным структурам, окружившим Кольцо, удавалось замалчивать инцидент.

– Это оно, да? – спросила Наоми. – То, что «случилось»?

Глава 2. Бык

Карлос Бака – для друзей Бык – не любил капитана Ашфорда. Невзлюбил с самого начала.

Капитан был из тех типов, которые презрительно усмеваются, не шевеля при этом губами. Прежде чем целиком посвятить себя АВП, Ашфорд получил степень доктора математики в лунном кампусе Бостонского университета – и никому не давал об этом забыть. Как будто степень земного университета делала его лучше остальных астеров. А также выше вульгарных типов вроде Быка или Фреда, которые выросли на дне колодца. Ашфорд не относился ни к тем, ни к другим. И так пыжился, воображая себя большой шишкой – с образованием, со связями на Земле, с друзьями детства из Пояса, – что трудно было его не поддразнивать.

А в этом деле Ашфорду предстояло командовать.

– И еще вопрос времени, – сказал Фред Джонсон.

Выглядел Фред дерьмово. Он был слишком тощ. В последнее время все исхудали, но темная кожа Фреда приобрела пепельный оттенок, при виде которого Бык задумывался об аутоимунных заболеваниях или непролеченном раке. А может, дело было в возрасте, нагрузках и плохом питании. Есть вещи, которые проймают даже тех, кого вроде бы ничем не пронять. По правде сказать, у Быка тоже появилась седина на висках, и дерьмовые лампочки, подражающие солнечному свету, его не радовали. Кожа у него пока еще была потемнее яичной скорлупы, но это досталось ему от смуглой материмексиканки, а не от ультрафиолета.

Он с двадцати двух лет жил в темноте космоса. Сейчас ему перевалило за сорок. А Фред, командовавший им от имени двух правительств, был еще старше.

Перед ними уходили вдаль и вверх строительные леса, их гибкие стенки блестели змеиными чешуйками. Постоянно слышался тихий визг, вибрация, передававшаяся от строительного оборудования по корпусу станции. Гравитация вращения здесь была ниже стандартной для Тихо трети g , и Ашфорд устроил маленький спектакль, вырвавшись вперед, а потом притормозив, поджидая землян. Бык нарочно замедлил шаг, чтоб тому пришлось ждать подольше.

– Времени? А что со временем, полковник? – спросил Ашфорд.

– Могло быть хуже, – ответил Фред. – С первого крупного изменения в момент инцидента Кольцо, по-видимому, не меняется. Через него никто не прошел, никто из него не показался. Поначалу все навалили в штаны, но теперь просто держатся начеку. Марс рассматривает этот вопрос исключительно с военной и научной точек зрения. Дюжина их исследовательских судов уже мчит туда.

– С каким сопровождением? – спросил Бык.

– Один истребитель, три фрегата, – ответил Фред. – Земляне движутся медленнее, зато ббольшими силами. У них в будущем году выборы, а генеральному секретарю здорово досталось за то, что он проглядел происки злодейских корпораций.

– С чего бы это? – сухо заметил Бык.

Улыбнулся даже Ашфорд. «Протоген» с «Маоквик» совместными усилиями превратили в фарш стабильность и безопасность Солнечной системы. Станция Эрос погибла – была захвачена техникой пришельцев и упала на Венеру. Ганимед выдавал меньше четверти обычных поставок продовольствия, так что все население внешних планет и Пояса довольствовалось собственными запасами и агрикультурными комплексами. Союз между Землей и Марсом стал преданием из тех, что рассказывают внукам, перебрав пивка. Легенда о старых добрых временах до того, как все полетело к чертям.

– Он устроил шоу, – продолжал Фред. – СМИ, религиозные лидеры, поэты, артисты... – всех волокут к Кольцу в надежде, что эта братия нацелит свои копыта не на него.

– Типично, – бросил Ашфорд и не стал уточнять. Типично для политика? Типично для землянина? – А мы чего там ищем?

Леса коротко пропели – случайные колебания сложились в гармоничный аккорд. Промышленные глушители поспешно затушили вибрацию, пока она не достигла разрушительного уровня.

– Мы точно знаем одно: что какой-то идиот сунулся в Кольцо на высокой баллистической скорости – и не выскочил с другой стороны. – Фред шевельнул ладонями – жест, заменяющий у астеров пожатие плечами. – А теперь в Кольце возникла некая материальная аномалия. Возможно, оно проглотило глупого мальчишку вместе с корабликом и переварило во что-то иное. Кольцо произвело выброс – массу рентгеновских и гамма-лучей, но полная аннигиляция корабля дала бы больше. Возможно, парень пробил Кольцо. Или открыл ворота, и толпы зеленых человечков в летающих тарелочках скоро вывалятся из них и превратят Солнечную систему в перевалочную базу.

– Что... – начал Бык, но Ашфорд перебил его.

– Венера не реагировала?

– Ни малейшей реакции, – ответил Фред.

Венера замерла. С тех пор как изуродованная станция Эрос рухнула под облака, глаза всего человечества были обращены на планету и наблюдали за яростным корчами протомолекулы. На поверхности Венеры вздымались и рушились хрустальные башни многокилометровой высоты. Сеть углеродистых волокон опутала планету и распалась в прах. Оружие, предназначенное для того, чтобы оседлать примитивные жизненные формы древней Земли, столкнулось со сложной экосистемой человеческих тел и построек и тщилося сохранить их в ядовитой топке Венеры. Возможно, исполнение плана откладывалось. Или же сложные формы жизни упростили задачу протомолекулы. Так или иначе, по всей видимости, с Венерой было покончено. Она послужила только для того, чтобы выбросить за орбиту Урана самособирающееся кольцо, которое теперь висело там мертвым камнем.

До недавнего времени.

– И что нам по этому поводу делать? – спросил Бык. – Не в обиду будь сказано, но лучшие научные суда не у нас. А Земля с Марсом здорово потрепали друг друга над Ганимедом.

– Нам – быть там, – отрезал Фред. – Если Земля с Марсом посылают свои корабли, мы пошлем свои. Если они выступят с заявлением, мы тоже выступим. Если предъявят права на Кольцо, мы выставим встречную претензию. Мы добились того, что Внешние Планеты стали заметной политической силой, но все преимущества будут утеряны, если мы выпустим вожжи из рук.

– Стрелять ни в кого не собираемся? – осведомился Бык.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – ответил Фред.

Плавный уклон стройплощадки заканчивался гигантским перегибом. В звездной черноте над ними высилась дуга из стали и керамики, освещенная тысячько огоньков. Она выглядела произведением природы – не верилось, что такую машину мог создать человек. Она походила на каньон или гору. Или заросший травой кратер потухшего вулкана. Ее огромная величина мешала увидеть в ней корабль. Но это был корабль. По его бокам ползали строительные механизмы, большие, как дом, в котором Бык жил в детстве, но выглядели они мелкими, как футболисты на далеком поле. Длинная тонкая линия килевого лифта тянулась вдоль корпуса – она перевозила механиков с одного конца конструкции на другой. Кабинки вспомогательных лифтов вмещали по дюжине человек. Мягкий изгиб корпуса был испещрен выпуклостями рельсовых пушек и резкими вздутиями торпед.

Когда-то все это называлось «Наву». Корабль, рассчитанный на много поколений, должен был унести к звездам мормонов, полагавшихся только на его внутреннюю экосистему да на милость Божью. Теперь его переименовали в «Бегемот» – самый большой и бесполезный воен-

ный корабль в Солнечной системе. В его брюхе, не касаясь стен, могли разместиться четыре корабля класса «Доннаджер». Рельсовые пушки были способны разогнать магнитные снаряды до измеримых долей c^8 . Всех ядерных торпед, имевшихся в распоряжении Альянса Внешних Планет, не хватило бы на его полное вооружение. Мощность лазерных передатчиков позволяла прожечь лучом дыру в стали – дай только время. Можно было бы еще разрисовать нос под акулю пасть и придать жилому отсеку форму треугольного плавника, но и без того представлялось очевидным, что цель этой великолепной конструкции – внушать страх.

И хорошо, что вид у нее был такой устрашающий, потому что, случись этой залатанной развалине попасть в настоящую схватку, им всем настал бы конец. Бык скосил взгляд на Ашфорда. Капитан стоял, вздернув подбородок, глаза его горели от гордости. Бык поцокал языком.

Притяжение совсем исчезло – платформа и стройплощадка замерли, уравнившись в скорости с «Бегемотом». Вдалеке вспыхнул белым пламенем строительный мех – началась сварка.

– Сколько до старта? – спросил Ашфорд.

– Три дня, – сказал Фред.

– Инженеры докладывали, что до готовности дней десять, – вставил Бык. – Будем доделывать в полете?

– Именно так, – кивнул Фред.

– Хотя мы могли бы задержаться на несколько дней, закончить работы в доках и, развив чуть большую тягу, явиться на место в тот же срок?

Повисла неловкая пауза. Бык знал, что так будет, но промолчать не мог.

– Удобства и дух команды требуют не меньшей заботы, чем корабль, – проговорил Фред, из вежливости изменив формулировку. Бык, знавший его достаточно давно, услышал: «Астеры не любят перегрузок». – Кроме того, некоторые работы проще производить при низких g . Все взвешено, Бык.

Через три дня отчаливаете.

– А что, есть проблемы? – спросил Ашфорд.

Бык натянул на лицо кретинскую улыбочку, к которой прибегал, когда хотелось сказать правду, избежав нагоняя.

– Мы собираемся дразнить Землю и Марс в виду Кольца, занимающегося своей инопланетной чертовщиной. Команда у нас не сработавшаяся, корабль – наполовину из металлолома, и времени, чтобы все утрясти, не будет. Конечно, проблемы найдутся, но тут уж ничего не поделаешь, так что все равно беремся. В худшем случае мы все умрем.

– Веселенькая мысль, – укоризненно протянул Ашфорд.

Бык улыбнулся еще шире и пожал плечами.

– Все равно рано или поздно этим закончится.

* * *

На Тихо Быку досталось роскошное помещение. Четыре комнаты с высокими потолками, отдельный галльон с настоящим водопроводом. Даже на Земле, мальчишкой, он не знал такой роскоши. Детство Быка прошло в жилом комплексе зоны совместных интересов Нью-Мексико. Там он обитал с родителями, бабушкой, двумя дядьями, тремя тетушками и примерно тысячей двоюродных братьев и сестер. Дожив до шестнадцати лет и отказавшись переходить на базовое пособие, он уехал на юг, в Аламогордо, и отработал свои два года, разбирая древнюю солнечную электростанцию, оставшуюся от недобрых старых времен до термояда. Спал он в комнате на десятерых и до сих пор явственно помнил соседей, какими они были тогда: тощие,

---

⁸ Скорости света.

мускулистые, без рубашек – или в рубашках, повязанных на головы вместо чалмы. Он как сейчас чувствовал лучи мексиканского солнца, которые словно ладонью давят на грудь, купался в излучении и тепле неконтролируемого ядерного реактора, отделенного от него только расстоянием да огромным голубым небом.

Отработав два обязательных года, он поступил было в техническое училище, но вылетел за гормоны и спиртное. После этого пришлось выбирать между военной службой или пособием. Бык выбрал то, что меньше походило на смерть. В десанниках самая большая из его кают была меньше прихожей этой квартиры на Тихо. До отставки он не имел собственного жилья. Станция Церера тоже его не баловала. Нора располагалась у самого центра вращения – низкая гравитация, высокая сила Кориолиса. Место, чтобы отоспаться после попойки, – не более того. Голые каменные стены, корабельная койка с креплениями для сна в невесомости. Кто-то из прежних хозяев выцарапал на стене: «Бессо о нади». На астерском жаргоне – «Лучшее или ничего». Бык тогда еще не знал, что это политический лозунг. Барахло, которым он обзавелся на станции Тихо, – рамка, где сменялись семейные фотографии с Земли, жестяной подсвечник, оставленный бывшей подружкой, штатские костюмы – в его старой норе на Церере просто не уместилось бы или не оставило бы места для сна. «Слишком много вещей, – подумал он. – Надо бы от них избавиться».

Впрочем, не в этом рейсе. Каюты командного состава на «Бегемоте» были еще просторнее квартир на Тихо.

Система пискнула, предупреждая, что кто-то хочет войти. Бык по давней привычке, прежде чем открыть, глянул видео. Фред переминался с ноги на ногу. Он был в штатском: белая рубашка с пуговицами и старые-престарые штаны, снисходительно скрывавшие отвисшее брюшко. Вернее, пытавшиеся скрыть. Фред был не в лучшей форме, чем Бык. Просто оба они старели.

– Привет, – сказал Бык, – хватай любой стул. Я как раз собираюсь.

– Уже переезжаешь?

– Хочу обжиться на корабле перед стартом, – объяснил Бык. – Поищу, не блуждают ли там какие мормоны.

Фред болезненно поморщился.

– Я вполне уверен, что мы с первого раза всех выловили, – отыграл он, – но места там полно, осмотришь, коли есть охота.

Бык открыл чемодан, пальцами пересчитал футболок. Десять штук. Признак разложения. Кому нужны десять футболок? Вытащив пять, он отложил их на стул.

– Если они добьются возвращения «Наву», положеньице будет еще то, – заметил он. – Сколько мы там переделали!

– Не добьются, – возразил Фред. – Захват корабля был вполне законным. Чрезвычайное положение. Я могу десять часов перечислять прецеденты.

– Да, только потом мы его подобрали и объявили своим, – усмехнулся Бык. – Это вроде как сказать: мне пришлось позаимствовать твой грузовичок, но, поскольку я загнал его в кювет и вытащил обратно, он теперь мой.

– Закон умеет много гитик, Бык, – устало проворчал Фред. На уме у него явно было что-то другое.

Бык открыл еще один ящик, сбросил половину носков в утилизатор, остальные положил к футболкам.

– Просто неловко выйдет, если судья с тобой не согласится.

– Для земных судей мы вне юрисдикции, – бросил Фред, – а наша судебная система лояльна к АВП. Они видят картину в целом и не станут вырывать у нас из рук самый большой из существующих кораблей, чтобы кому-то там вернуть. В худшем случае присудят выплату компенсации.

– А это нам по карману?

– Нет, на данный момент не по карману.

Бык смешливо фыркнул.

– Не могу понять, что мы такого натворили, за что попали сюда? Ты – волочешь на себе чуть не весь АВП, я – старпом у Ашфорда. Неправильно мы живем, старина.

– Да, кстати, – встрепенулся Фред, – планы немножко меняются.

Бык открыл шкаф. Губы у него сжались. Фред не для того пришел, чтобы толочь воду в ступе. Что-то случилось. Бык достал из шкафа два костюма, оба еще не распакованные из клейкой защитной пленки. Он таких много лет не носил – вряд ли придется впору.

– Ашфорд решил, что предпочитает иметь старпомом Мичо Па. Мы это обсудили. Я рекомендовал тебя как старшего офицера безопасности.

– Сместили со второго места на третье, – кивнул Бык. – А что, Ашфорд опасается, что я претендую на его кресло?

Фред, сплетя пальцы, склонился вперед. Лицо было серьезным – он видел, что ситуация дерьмовая, но держался как мог.

– Все дело во впечатлении, – сказал Фред. – Это флот АВП. «Бегемот» – ответ Пояса на последние ударные корабли Земли и Марса. Землянин на мостике не соответствует образу.

– Ладно, – сказал Бык.

– Я в том же положении, сам знаешь. Сколько времени прошло, а мне все еще вдвое труднее добиваться верности и уважения – только потому, что я не здешний. Даже те, кто рад, что я с ними, потому что мое присутствие портит имидж Земле, не любят получать от меня приказы. Мне каждую кроху уважения приходится зарабатывать снова и снова.

– Ладно, – повторил Бык. Офицер безопасности – значит, меньше времени придется проводить в мундире. Он со вздохом положил на стул оба костюма.

– Я не говорю, что ты хуже, – продолжал Фред. – Никто, как я, не знает, что ты – лучший из лучших. Но, чтобы довести дело до конца, приходится кое с чем мириться.

Бык прислонился к стене, скрестил руки на груди. Фред смотрел на него из-под подернутых инеем бровей.

– Сэр, я долго летал с вами, – произнес Бык. – Если вам от меня что-то нужно, скажите прямо.

– Мне нужно, чтобы ты сделал дело, – сказал Фред. – То, что там происходит, важнее чего угодно во всей системе, а что это – мы не знаем. Если мы допустим промах или дадим внутренкам значимое преимущество, потери будут большими. Ашфорд и Па – хорошие люди, но они астеры. У них, в отличие от нас с тобой, нет опыта работы с земной армией.

– Думаешь, они что-то затевают?

– Нет. Ашфорд всеми силами постарается все сделать правильно, но у него рефлекс астера, его застанет врасплох то, к чему другой будет готов.

– Ашфорд всю жизнь все делает правильно от страха оконфузиться. Он – одетый в мундир вакуум. А на вакуум опереться невозможно.

– Я и не опираюсь, – согласился Фред. – Я посылаю тебя, потому что тебе доверяю.

– Но командования мне не даешь.

– Но командования не даю.

– А как насчет прибавки к жалованью?

– Тоже нет.

– Ну и черт с тобой, – заключил Бык. – Вся ответственность и никаких полномочий! Возможно ли отказаться от подобного предложения?

– Не шути. Мы тебя подставляем ради показухи и идиотской политики, но ты мне нужен.

– Так я берусь, – сказал Бык.

Минуту слышалось только гудение воздуховода. Бык снова принялся запихивать свою жизнь в чемодан. Где-то над головой, за тоннами стали и керамики, ждал «Бегемот».

Глава 3. Мелба

Войдя в игорный дом, Мелба почувствовала на себе взгляды. Зал освещался панелями игровых автоматов – розовыми, голубыми, золотистыми. Сюжеты игр вращались вокруг секса и насилия – иногда и того и другого сразу. Нажми кнопку, брось денежку – и, пока ждешь объявления победителя, полюбуйся, как девушки вставляют в себя странные и опасные предметы. Сюжетные игры, покер, лотереи в реальном времени. Игроков-мужчин окружала атмосфера глупости, безнадежности и почти осязаемой ненависти к женщинам.

– Дорогуша, – обратился к ней из-за стойки необъятный толстяк, – не знаю, куда вам было надо, только вы ошиблись адресом. Может, вам лучше повернуть обратно?

– У меня здесь встреча, – сказала она. – С Тревином.

Глаза толстяка за тяжелыми веками округлились. Кто-то выкрикнул из темноты грубую шутку, которая должна была выбить ее из колеи. И выбила, но Мелба этого не показала.

– Тревин, если он вам нужен, в задних комнатах, дорогуша, – кивнул толстяк. В дальнем конце зала, за десятками ухмылок и угроз, виднелась красная стальная дверь.

Все инстинкты, сформированные прошлым, когда она была Клариссой, теперь негодились. Мелбу обучали самообороне с тех пор, как девочка стала делать первые шаги, но все приемы предназначались для защиты от похищения. Как привлечь внимание властей, как разрядить ситуацию между пленницей и похитителями. Конечно, все это не то. Физическая подготовка тоже входила в курс, но только та, что позволяла вырваться. Сбежать, найти помощь.

Теперь помочь ей было некому, а ничего другого она не умела, поэтому воспользовалась тем, что имелось. Мелба – Мелба, а не Кларисса! – кивнула толстяку и пошла через толчею в полутемном зале. Полная земная гравитация тяготила ее как болезнь. На одном экране троица маленьких серых пришельцев осаждала мультяшную женщину, над ними парила летающая тарелка. Кто-то взял малый джекпот. Мелба отвела взгляд. Сзади кто-то расхохотался, и у нее натянулась кожа на затылке.

Из всех братьев и сестер ей одной всерьез нравились занятия по физподготовке. В дополнение она записалась на тайцзицюань с инструктором по самообороне. Ей было четырнадцать, когда отец на семейном сборище отпустил шуточку на этот счет. В том смысле, что умение драться не повредит – его он уважает, – но танец, изображающий бой, выглядит дурной тратой времени. С тех пор она не тренировалась. Прошло десять лет.

Она открыла красную дверь и вошла. Свет в кабинете показался ярким. Встроенный дисплей на небольшом рабочем столе отображал окно простенькой бухгалтерской программы. Белые матовые стекла пропускали солнечный свет, но скрывали улицы Балтимора. Литая пластиковая кушетка с логотипом дешевой марки пива, которое доступно даже для сидящих на базовом пособии. На кушетке располагалась пара тяжеловесов. У одного были имплантированные солнцезащитные очки, придававшие лицу сходство с насекомым. На другом футболка чуть не лопалась от накачанных стероидами мышц. Обоих она уже где-то видела.

Тревин стоял у стола, опершись на него бедром. Короткий ежик волос серебрился на висках. Борода не стала длиннее. Костюм в тех кругах, где он вращался, считался хорошим.

Отец Мелбы такого никогда не надел бы.

– О, смотрите-ка, неподражаемая Мелба!

– Ты знал, что я пришла, – ответила она. Стульев не было, единственное место для сидения заняли силачи. Мелба осталась стоять.

– Ясно, знал, – согласился Тревин. – Едва ты вошла с улицы.

– К делу? – предложила она тоном, который резал воздух.

Тревин ухмыльнулся. Зубы у него были неровные, серые у корней. Показуха, демонстрация, что при его богатстве нет нужды прибегать к косметическим ухищрениям. Мелбу захлест-

нуло жаркое презрение. Он – как древний поклонник карго-культа – изображал власть, понятия не имея, что это такое. Мелба пала так низко, что ей приходилось иметь с ним дело, но она хотя бы испытывала неловкость.

– Все устроено, мисс, – заговорил Тревин. – Мелба Альцбета Кох, родилась на Луне. Родители: Алси, Бекка и Сержио Кох – все скончались. Братьев и сестер нет. Налоговых задолженностей нет. Лицензия техника-электрохимика. Новое «я» ждет тебя, а?

– А контракт?

– «Сересье» берет на борт великое посольство к Кольцу. В него включена наша мисс Кох. У нее даже есть подчиненные, самой ручки пачкать не придется.

Тревин вытащил из кармана белый пластиковый конверт. Сквозь пленку просвечивал дешевый ручной терминал.

– Все здесь, все готово, – сказал он. – Берешь и выходишь за дверь другим человеком, а?

Мелба достала из кармана собственный терминал, меньше, чем тот, что протягивал ей Тревин, и лучшего качества. Она будет по нему скучать. Набрав свой код, она авторизовала перевод и снова спрятала терминал.

– Вот так. Деньги у тебя. Я принимаю товар.

– Э, осталась еще *одна* проблема, – сказал Тревин.

– Мы обо всем договорились, – возразила Мелба. – Я свои обязательства исполнила.

– И это говорит в твою пользу, – кивнул Тревин, – но вот мне вроде бы не по вкусу иметь с тобой дело. Нас ожидают волнующие открытия. Чтобы создать твою новую личность, пришлось влезть в базу ДНК. Пришлось подчищать двойную бухгалтерию. По-моему, ты не была со мной до конца откровенна.

Она сглотнула, пытаясь избавиться от вставшего в горле кома. Жучиные глаза человека на кушетке повернулись к ней, кушетка скрипнула.

– Ты традил мои деньги, – напомнила Мелба.

– Еще бы, еще бы, – отозвался Тревин. – Кларисса Мельпомена Мао, дочь Жюля-Пьера Мао из торгового дома «Мао – Квиовски». Интересное имя.

– Корпорацию национализировали, когда отец попал в тюрьму, – напомнила Мелба. – Ее больше не существует.

– Смертный приговор корпорации. – Тревин выложил конверт на стол. – Очень при-
скорбно. Но не для тебя, а? Богачи знают толк в деньгах. Находят способы сделать заначку. Скажем, передать женам или там дочерям.

Она скрестила руки на груди, насупилась. Телохранитель на кушетке сдержанно зевнул. Возможно, скука была не наигранной. Мелба затянула паузу – не потому, что хотела заставить Тревина высказаться до конца, а потому, что не находила слов. Конечно, он был прав. Отец позаботился о них, как сумел. Он всегда о них заботился. Даже судебные приставы ООН не всюду дотягиваются. У Клариссы хватило бы средств на тихую праздную жизнь на Луне или на Марсе до самой смерти от старости. Но она уже не Кларисса, а Мелба, и это совсем другое дело.

– Я могу дать тебе еще десять тысяч, – сказала она. – Больше у меня нет.

Тревин оскалится в тусклой улыбке.

– Неужто все денежки упорхнули, а? И что тебя тянет в космос? Я вот задумался. И поинтересовался. Ты очень, очень неплохо справилась. Я, даже зная, где искать, обнаружил только тени. Расслышал только эхо. И все же... – Он придерживал конверт на столе одним пальцем – как ее брат Петер придерживал шашку, когда не решался сделать ход. Хозяйский жест. – У меня есть кое-что, чего не было у других. Я догадался глянуть в сторону Кольца.

– Десять тысяч, больше нет. Честное слово. Я все потратила.

– А тебе бы не помешало больше, а? – заметил Тревин. – Назовем это инвестиционным капиталом. Малютка Мелба может, если хочет, оставить десять тысяч себе. Или даже пятьдесят тысяч. Но в ответ я хочу большего. Много большего.

У нее перехватило дыхание. Кивок вышел слишком поспешным, слишком напряженным. Птичьим. Испуганным.

– О чем ты? – Мелба старалась говорить твердо. Смутная угроза висела в воздухе запахом плохого одеколونا: мужественного и дешевого. Тревин заговорил снова, от фальшивого добродушия растягивая гласные.

– Партнерство. Ты затеяла что-то серьезное. С Кольцом и флотилией, а? Все они там, в темноте, лицом к лицу с чудовищами. И ты собралась к ним. По мне, так не рискуют без надежды на хороший выигрыш. Это в стиле Мао. Расскажи, что ты задумала. Я помогу тебе, чем сумею, а барыш поделим.

– Сделка не состоится. – Слова вырвались сами собой, по команде спинного мозга. Решение было столь очевидным, что не требовало раздумья.

Тревин подтянул к себе конверт – пластик зашуршал по крышке стола. Тихонько поцокал языком – звук был столь же сочувственным, сколь неискренним.

– Ты перевернула землю и небо, – сказал он. – Давала взятки. Покупала. Сговаривалась. И я верю, что ничего не оставила про запас. И теперь ты, стоя передо мной, говоришь: сделка не состоится? Не состоится так не состоится.

– Я тебе заплатила.

– А это не имеет никакого значения. Мы партнеры. Равноправные партнеры. Что бы ты ни выиграла, я тоже выигрываю. В противном случае найдутся люди, которые, надо думать, заинтересуются, что такое затеяла втихую девица с громкой фамилией Мао.

Теперь двое на кушетке обратили на нее внимание. Мелба чувствовала их взгляды. Она оглянулась через плечо. Стальная дверь в игорный зал – заперта. Окно широкое. Решетка на нем из тех, которые убираются, если ты хочешь отодвинуть стекло и впустить в комнату городскую вонь. Тот, что с жучиными глазами, встал.

Ее импланты запустились прикосновением языка к нёбу. Два круга против часовой стрелки. Тайное, незаметное со стороны движение, странно сексуальное. Легкое, как мысль. Набор искусственных желез в горле, голове и в животе заработал, выплескивая в кровь сложную химию. Мелба вздрогнула. Это было как оргазм, только без наслаждения. Она ощутила, как совесть и привитая с детства мораль тают, подобно дурному сну. Она просыпалась, становилась живой.

Все звуки города: гул уличного движения, приглушенная какофония игровых автоматов, мерзкий голос Тревина – затихли, словно гулявший по жилам коктейль встал пенопластовыми затычками в ушах. Мускулы напряженно затвердели, во рту появился меднистый привкус. Время замедлило ход.

Что делать? Что делать?

Первоочередная угроза – бандиты на кушетке. Она двинулась к ним, уже не сдерживаемая земным тяготением. Пнула поднимавшегося телохранителя в коленную чашечку, сорвав сустав, как крышку с пивной банки, и загнав его вверх по бедру. На лице мужчины застыли изумление и тревога – словно нарисованные мультипликатором. Когда он начал падать, она вскинула второе колено и вогнала ему в запрокинутую гортань. Целила в лицо, но, почувствовав, как ломается под коленом трахея, подумала: горло не хуже.

Жукоглазый бросился на нее. Он двигался быстро – тоже какая-то модификация тела. Вероятно, ускоренное действие мускульных нейронов, мост через широкий пролив, отделяющий нейротрансмиттеры от синапсов. Это могло оказаться преимуществом в драке с другими бандитами. Его рука застыла у нее на плече, толстые твердые пальцы вцепились мертвой хваткой. Мелба развернулась навстречу, упала, потянув громилу за собой. Ладонь ударила по локтю, отключая нерв, потом обе ее руки сошлись на его запястье, выкрутили. Она действовала бездумно. Движения выплывали из подсознания, освобожденного от уз и рвущегося наружу. Боевого искусства здесь было не больше, чем в броске крокодила, нападающего на водяного

буйвола, – одна только скорость, сила и спущенные с поводка рефлексy, формировавшиеся миллиарды лет. Ее инструктор по тайцзицюань сейчас пристыженно отвел бы взгляд.

Телохранитель повалился на пол, изо рта у него потекла кровь. Жучиные глаза отвернулись от нее – и это оказалось ошибкой. Она подтянула к себе его вывернутый сустав и сделала разворот от бедра. Громила был больше и тяжелее, он всю жизнь провел в гравитационном колодце. Он обжирался стероидами и дешевыми углеводами. Но ей и не нужно было превосхождения. Хватило бы силы сломать мелкие кости в локте и запястье. Кости сломались, и мужчина упал на колени.

Мелба – а не Кларисса – вывернулась, обвив его за шею правой рукой, и прикрылась левой, защищаясь от неизбежных ударов головой. Не требовалось большой силы – достаточно было пережать мягкие артерии, несущие кровь к мозгу.

Пуля из пистолета Тревина пробила дыру в кушетке. Пена выплеснулась, словно взрывающаяся губка. Некогда. Она завопила, переливая всю мощь крика в руки и плечи. И почувствовала, как хрустнула шея жукоглазого. Тревин снова выстрелил. Если попадет в нее, она умрет. Страх не было. Страх оказался заперт так глубоко, что она его не ощущала. Скоро он прорвется наружу. Очень скоро. Надо спешить.

Тревин попытался выпустить третью пулю. Разумный поступок. Мудрый. Тревин не был ни разумным, ни мудрым. Он делал то, чего требовало стремящееся выжить тело. Обезьяна, миллионы лет спасавшаяся от хищников. Времени на вторую ошибку ему не хватило. В горле у Мелбы нарастал новый вопль.

Время сделало скачок. Ее пальцы обхватили шею Тревина. Она ударила его черепом об угол стола. На столе осталась кровь, обрывки кожи. Она хотела ударить еще раз, но он был тяжел, а в ее руках не осталось силы. Мелба выпустила его, и он со стоном сполз на пол.

Со стоном.

«Значит, жив, – подумала она. Страх вернулся, и с ним накатила тошнота. – Он еще жив. Нельзя, чтобы он оставался жив, когда подступит ломка». У него был пистолет. Следовало найти, куда он подевался. Немеющими пальцами она вытащила маленький пистолет из-под тела Тревина.

– Партнеры, – сказала она и выпустила две пули ему в голову. Услышат, даже сквозь грохот игровых автоматов. Она дотасила до стальной двери, проверила замок. Защелкнул. Если у кого-нибудь не найдется ключа, она в безопасности, пока замок не вырежут. Можно передохнуть. Полицию они вызывать не станут. Она надеялась, что не станут.

Мелба сползла на пол. Пот заливал лицо, ее затрясло. Ей казалось, что так нечестно: время славной и праведной битвы словно сжималось в одно мгновение, а физиологическую ломку приходилось переживать в полном сознании, и даже поспать было нельзя. Здесь – нельзя. Мелба подтянула колени к груди, всхлипнула – не от горя и не от страха, просто напряжение плоти требовало выхода. Кто-то стучался в дверь, но довольно робко, вопросительно. Всего несколько минут, и она будет... не в порядке, нет, но пригодна к действию. Всего несколько минут.

Вот почему искусственные железы не прижились у военных. Взвод солдат без страха и сомнений, накачанных адреналином до степени нечувствительности к собственным рвущимся мышцам, способен был выиграть бой. Но тот же взвод, скулящий и сворачивающийся в уголке на пять минут после боя, не мог удержать победу. Технология была признана неудачной, но доступ к ней оставался. Побольше денег, побольше оказанных когда-то услуг – и ученый люд исцелялся от терзаний совести. Это было легко. Самая простая часть ее плана.

Мелба всхлипывала все громче, потом ее вырвало. Она по опыту знала, что это ненадолго. Между спазмами рвоты заметила, как содрогается грудь телохранителя, силась втянуть воздух сквозь раздробленную гортань, хотя человек уже умер. Запах крови и рвоты наполнил

комнату. Мелба задержала дыхание, утерла рот тыльной стороной руки. Лобные пазухи ныли – не то от спазмов, не то от поддельной железы, скрытой в нежной плоти. Не важно.

В дверь стучали уже отчаянно. Она расслышала голос толстяка. Времени не осталось. Взяв пластиковый конверт и спрятав его в карман, Мелба Альцбета Кох пролезла в окно и вывалилась на улицу. От нее воняло. На руках сохла кровь. Она вздрагивала на каждом шагу. Тусклый солнечный свет резал глаза, она прикрывалась от него ладонью. В этой части Балтимора тысячи людей могли смотреть на нее и ничего не видеть. Привычка никого не узнавать, созданная и поддерживаемая наркодилерами, сутенерами и работоторговцами, защищала и ее тоже.

Она отойдет. Она справится. Последнее орудие на месте, и осталось только добраться до отеля, попить, чтобы восстановить солевой баланс, и немного поспать. А потом, через несколько дней, явиться по месту службы на «Сересье» и отправиться в долгий путь на окраину Солнечной системы.

Пройти ровным шагом десяток кварталов, держа спину прямо и избегая чужих взглядов, казалось более трудной задачей, но она дойдет. И сделает то, что должно быть сделано.

Раньше она была Клариссой Мельпоменной Мао. Ее семья управляла судьбами городов, колоний, планет. А теперь отец сидел в закрытой тюрьме, говорить имел право только со своим адвокатом и доживал век в бесчестье. Братья и сестры – те, что еще оставались живыми, – разбежались по укрытиям, прячась от ненависти двух миров. Когда-то имя их рода писалось звездами и кровью, а теперь в них видели злодеев. Они погибли.

Но она в силах все исправить. Ей пришлось нелегко и придется еще хуже. Бывало, ночами жертва представлялась непосильной, но она выдержит. Она всем докажет, как несправедливо обошелся с их семьей Джеймс Холден. Она выставит его на позор. Унизит его.

А потом она его уничтожит.

Глава 4. Анна

Аннушка Воловодова, для паствы на Европе – Анна и преподобная доктор Воловодова для тех, кто ей не нравился, – когда явился домашний насильник, сидела в кожаном кресле с высокой спинкой в своем кабинете.

– Николас, – сказала она, стараясь в меру возможностей придать голосу теплоты, – спасибо, что уделили время.

– Ник, – поправил он, садясь на металлический стул перед ее рабочим столом. Стулья у Анны были ниже ее кресла, отчего комната несколько напоминала зал суда, а сама она – судьей. Поэтому своих прихожан она никогда не принимала, сидя в кресле. У дальней стены стоял удобный диванчик, гораздо лучше подходивший для частных бесед и советов. Однако время от времени, когда требовался властный и авторитетный тон, кресло бывало полезным.

Сейчас, например.

– Ник, – повторила она и, сведя кончики пальцев, подперла ими подбородок, – ко мне сегодня заходила София.

Ник пожал плечами и отвел глаза, словно школьник, пойманный со шпаргалкой. Высокий мужчина с узким костистым лицом – так часто выглядят внешники, занимающиеся тяжелым физическим трудом. Анна знала, что он работает на стройках под открытым небом. Здесь, на Европе, это означало долгие дни в тяжелом скафандре. Люди, занимающиеся такой работой, крепче ногтя. Судя по повадке Ника, он знал, какое производит впечатление, и не прочь был внушать страх.

Анна ему улыбнулась. «Со мной это не пройдет».

– Она долго не хотела рассказывать, что случилось, – сказала Анна вслух. – Она долго не соглашалась поднять рубашку. Видеть синяки мне не было надобности – я знала, что они есть. Но требовалось сделать снимки.

При слове «снимки» он подался вперед, прищурился, повел глазами. Возможно, он думал, что это придает ему крутой и грозный вид, на самом же деле он стал похож на крысу.

– Она упала... – начал он.

– ...на кухне, – закончила за него Анна. – Знаю, она мне рассказала. А потом очень долго плакала. А потом сказала, что вы снова начали ее бить. Помните, я обещала, что будет, если вы еще раз ее ударите?

Ник заерзал, тощие колени его нервно задергались. Большие костлявые руки сжались так, что побелели костяшки пальцев. Он не смотрел в глаза собеседнице.

– Я не хотел, – выдавил он. – Просто так вышло. Пожалуй, я мог бы снова походить к психотерапевту.

Анна прокашлялась и, когда Ник посмотрел на нее, удерживала его взгляд, пока колени у него не перестали подпрыгивать.

– Нет, поздно спохватились. Мы оплатили вам сеансы по работе с агрессией. Переводили деньги, пока вы не прервали терапию. Церковь это уже сделала. И больше делать не станет.

Лицо его застыло.

– Собрались проповедовать мне об Иисусе? У меня это дерьмо... – Ник резанул себя ладонью по горлу, – вот уже где. София никак не заткнется. «Пастор Анна говорит!..» А знаете, что я скажу? Плевать мне, что там пастор Анна натрепала!

– Нет, – возразила Анна, – об Иисусе не будем. Это мы уже тоже пробовали.

– Тогда что мы здесь делаем?

– Вы помните, – повторила она, нарочито растягивая слова, – я сказала, что будет, если вы еще раз ее ударите?

Ник снова пожал плечами, встал и повернулся к ней спиной. С притворным любопытством разглядывая один из висевших на спине дипломов, буркнул:

– Какое мне дело, что несет пастор Анна?

Анна с облегчением выдохнула. Готовясь к этой встрече, она сомневалась, сумеет ли исполнить задуманное. Она питала сильное нутряное отвращение ко лжи, а сейчас собиралась уничтожить человека обманом. Ну, если не обманом, то уловкой. Сколько ни оправдывайся, что это ради спасения другого человека, она понимала: не поможет. За то, что она сейчас делает, придется расплачиваться бессонными ночами и сомнениями в себе. Но прямо сейчас его злоба облегчала ей душу.

Анна проговорила про себя короткую молитву: «Помоги мне спасти Софию от человека, который, если его не остановить, убьет жену».

– Я сказала тогда, – продолжала она в спину Нику, – что позабочусь, чтобы вы попали в тюрьму.

Ник обернул к ней снова ставшее крысиным лицо.

– Ах так?

– Так.

Он прыгнул к ней, насколько в низком тяготении можно было прыгать. Движение задумывалось как угрожающее, но выросшей на Земле Анне оно показалось просто нелепым.

Женщина сдержала смехок.

– София ни словечка не скажет, – заговорил Ник, остановившись у ее стола и уставившись сверху вниз. – Не такая дура. Она упала на кухне – так и заявит в суде.

– Это верно. – Анна открыла ящик стола, достала тазер и положила на колени так, чтобы оружие не было видно Нику. – Ее вы запугали до смерти – но не меня. Мне больше нет до вас дела.

– Вот и хорошо! – Ник навис над женщиной, запугивая вторжением в ее личное пространство. Анна тоже подалась к нему.

– Но София – моя прихожанка и подруга. Ее дети играют с моей дочерью. Я их люблю. А вы, если ничего не предпринять, убьете ее.

– Это как же?

– Я сейчас вызову полицию, сообщу, что вы мне угрожали.

Левой рукой она потянулась к терминалу. Словно напрашивалась: попробуй меня остановить.

Ник с хищной усмешкой перехватил ее руку, до боли в костях стиснул запястье. Анна правой рукой выхватила тазер, навела на него.

– Это еще что?

– Спасибо, – сказала она, – так мне легче.

Она выстрелила, и мужчина, корчась, повалился на пол. Легкий отзвук шокового импульса отдался у нее в плече, волосы на руке встали дыбом. Взяв терминал, Анна вызвала Софию.

– София, милая, это пастор Анна. Пожалуйста, послушай меня. К тебе придут полицейские, будут расспрашивать о Нике. Обязательно покажи им синяки. Ника к тому времени уже посадят, он до тебя не доберется. Но для нашей с тобой безопасности ты должна быть с ними откровенна – потому что Ник набросился на меня, когда я его спросила, что с тобой случилось.

Несколько минут ласковых уговоров, и она вытянула из Софии обещание, что женщина поговорит с полицией. У Ника уже подергивались руки и ноги.

– Не двигайся, – обратилась к нему Анна. – Мы сейчас заканчиваем.

Она позвонила в отделение полиции Нью-Долинска. Земная корпорация ушла отсюда по истечении срока контракта, но в тоннелях и теперь показывались полицейские, значит, кто-то принял власть в свои руки. Может, какая-то астерская компания или АВП – не важно.

– Здравствуйте, я – преподобная доктор Анна Воловодова, пастор общины святого Иоанна. Сообщаю о нападении на меня. Человек по имени Николас Трубачев угрожал мне действием во время беседы об избииении им жены. У меня в столе имеется тазер, и я применила его, не дав исполнить угрозу. Да, я с удовольствием дам показания, как только вы прибудете. Спасибо.

– Сука, – сплюнул Ник, пытаясь устоять на дрожащих ногах.
Анна выстрелила в него еще раз.

* * *

– Трудно пришлось? – спросила Ноно, когда Анна наконец добралась до дома.

Она качала Нами на коленях, но едва Анна закрыла за собой дверь, дочка с радостным визгом потянулась к ней.

– Как тут моя девочка?

Анна с протяжным вздохом рухнула на диван. Ноно передала ей малышку, и Нами тут же принялась раскручивать и дергать уложенные в калачик волосы матери. Анна прижала дочку к себе, втянула в себя запах детской макушки. Тонкий, но сильный запах, который исходил от девочки, когда ее только принесли домой, ослабел, но ощущался до сих пор. Сколько бы ни твердили ученые, что люди не способны общаться посредством феромонов, Анна знала, что все это чушь. Какие бы вещества ни создавали аромат новорожденной, он был самым сильным из известных Анне наркотиков. Ей даже хотелось родить еще ребенка, просто чтобы снова вдыхать этот запах.

– Нами, за волосы не дергают, – упрекнула Ноно, пытаясь выпутать из детского кулачка длинные рыжие пряди. – Поговорить об этом не хочешь? – обратилась она к Анне.

Домашнее имя Ноно тоже происходило от Намоно, но она стала Ноно раньше, чем их старшие близняшки начали говорить. А у дочери это имя почему-то превратилось в Нами. Мало кто догадывался, что девочка – тезка одной из матерей.

– Потом поговорю, – сказала Анна, – но прежде мне нужно побыть с малышкой.

Она поцеловала Нами в носик-кнопку. Такой же широкий плоский нос, как у Ноно, а глаза Аннины, зеленые, яркие. Кофейная кожа Ноно и острый подбородок Анны. Она могла часами любоваться дочерью, упиваясь слившимися в ней чертами – своими и женщины, которую она любила. Переживание было настолько острое, что граничило с духовным. Нами потянула материнские волосы в рот, но Анна их отняла и дунула малышке в нос.

– Волосы не едят! – сказала она, и Нами расхохоталась, словно никогда не слышала такой смешной шутки.

Ноно взяла Анну за руку и крепко пожала. Они долго сидели, не шевелясь.

* * *

Ноно готовила рис с грибами. Когда она добавила в соус модифицированный лук, кухню наполнил острый запах. Анна резала яблоки на салат. Маленькие и не слишком хрустящие. Грызть их – мало радости, а в вальдорфском салате, смешавшись с другими ароматами и текстурами, – сойдут. Впрочем, какими бы они ни были, достать яблоки – большая удача. Это первый урожай с Ганимеда после начала беспорядков. Анна даже думать не хотела, как бы они все голодали, если б не чудесное воскресение маленького спутника Юпитера.

– Нами проспит еще добрый час, – заметила Ноно. – Не пора ли поговорить, как прошел день?

– Я сегодня причинила вред человеку и солгала полиции, – при этих словах Анна слишком сильно ударила ножом, и лезвие, пройдя мякоть, задело ей палец. Совсем неглубоко, даже не до крови.

– А... пожалуй, это нуждается в объяснении, – отозвалась Ноно, замешивая в рис с грибами немного бульона.

– Не могу объяснить. Кое-что в этом деле – конфиденциально.

– Ты лгала, чтобы кому-то помочь?

– Думаю, что да. Надеюсь. – Анна добавила в миску кусочки последнего яблока, орехи и изюм и стала мешать. Ноно, бросив работу, повернулась к ней.

– Что будешь делать, если тебя поймают на лжи?

– Извинюсь, – сказала Анна.

Ноно, кивнув, опять повернулась к кастрюле.

– Я сегодня через твой настольный терминал заходила посмотреть почту. Ты не разлогинилась. Там было сообщение ООН о комитете гуманитарной помощи генерального секретаря. О миссии к Кольцу.

Анна виновато поморщилась.

– О, черт! – Она не любила ругаться, но иногда без этого нельзя было обойтись. – До сих пор не собралась ответить.

Опять ложь...

– А поговорить, прежде чем решать, не хотела?

– Конечно, я...

– Нами скоро два года, – продолжала Ноно. – Мы здесь два года. Решение остаться означает решить за Нами, кем ей быть в жизни. У нее родные в России и Уганде. Они ее еще не видели. Если она проживет здесь еще год-другой – и не увидят.

Нами подкармливали тем же коктейлем, который полагался всем детям внешников. Он стимулировал рост костей и снижал вредное воздействие низкого тяготения на развитие ребенка. Однако Ноно была права. Если задержаться здесь, у Нами разовьется длинный тонкий скелет, как у всех местных жителей. Это стало бы приговором – никогда в жизни она не смогла бы вернуться домой.

– Мы ведь договорились, что работа на Европе – временная, – сказала Анна. – Хорошее место, я могу говорить порусски, паства маленькая и хрупкая...

Ноно отвернулась от плиты и под села к ней, положив руки на стол. Анне впервые подумалось, что столешница под натуральное дерево выглядит дешевой. Подделкой. Ей во всей ясности представилось будущее, в котором Нами никогда не увидит настоящего дерева. Это оказалось похоже на удар под дых.

– Я не злюсь, что ты притащила нас сюда, – сказала Ноно. – Мы же об этом и мечтали. Поездить по таким местам. Но ты, когда просила о переводе, была на третьем месяце.

– Я не верила, что меня выберут, – ответила Анна и почувствовала, что оправдывается.

Ноно кивнула.

– Но тебя выбрали. И эта работа на ООН... Лететь к Кольцу в составе группы советников генерального секретаря – а нашей малышке и двух лет не исполнилось.

– По-моему, на эту вакансию было две сотни заявок.

– А выбрали тебя. И приглашают лететь.

– Это было так маловероятно... – начала Анна.

– Тебя всегда выбирают, – перебила Ноно. – Потому что ты – особенная. Я-то вижу. Сразу увидела, когда ты выступала на религиозной конференции в Уганде. Ты так нервничала, что уронила листок с тезисами, зато в зале слышно было бы, как булавка падает. Ты светишься, сама того не желая.

– Я украла тебя у твоей родины, – проговорила Анна. Она всегда это повторяла, когда речь заходила об их знакомстве. – Церкви Уганды необходимы такие молодые священники, как ты.

– Это я тебя украла, – так же привычно возразила Ноно, только теперь многократно повторенные слова почему-то показались пустыми. Как ритуальная формула, утратившая смысл. – Но ты каждый раз это говоришь. «Не верила, что выберут меня».

– Это правда.

– Это привычное оправдание. Ты всегда предпочитаешь извиняться после, а не спрашивать разрешения до.

– Я откажусь, – сказала Анна, вскинув руку к глазам, чтобы сдержать слезы. Она задела локтем миску с салатом, чуть не сбив ее со стола. – Я еще не давала согласия. Скажу, что вышла ошибка...

– Аннушка! – Ноно сжала ей руку. – Ты обязательно полетишь. А я улечу с Нами в Москву. Пора ей познакомиться с бабушкой и дедушкой. И расти в настоящем притяжении. Раскаленная добела игла страха вонзилась в живот Анне.

– Ты от меня уходишь?

Ноно устало, любовно улыбалась.

– Нет. *Ты* от нас уходишь. На время. А когда вернешься, мы встретим тебя в Москве. Я подберу хорошую квартиру, мы с Нами ее обживем. Сделаем домом, где поселится счастье.

Но с тобой не полетим.

– Почему? – только и нашла что спросить Анна.

Ноно встала, вынула из шкафа две тарелки, разложила еду.

Поливая рис соусом, сказала:

– Я его боюсь. Этого, с Венеры. Боюсь за все, что нам дорого. Человечность, Бог, наше место в Его Вселенной. Конечно, я боюсь того, что оно может сотворить, но гораздо сильнее боюсь того, что оно *означает*.

– И я, – сказала Анна. Теперь она говорила правду. Отчасти из-за такой правды она и послала запрос на участие в экспедиции. Это был тот самый страх, о котором говорила Ноно. Анна хотела взглянуть ему в глаза. Дать Богу возможность подвести ее к пониманию – иначе как ей помогать в понимании другим?

– Так что отправляйся за ответами, – сказала Ноно. – Когда вернешься, твоя семья будет тебя ждать.

– Спасибо, – сказала Анна, немало потрясенная обещанием Ноно.

– Думаю, – промычала Ноно, уже набив рот рисом, – им там понадобятся люди вроде тебя.

– Вроде меня?

– Такие, которые не спрашивают разрешения.

Глава 5. Бык

– Бюджетом не предусмотрено, – сказала Мичо Па, старший помощник на «Бегемоте».

Расти Мичо на Земле, вышла бы миниатюрная женщина, но детство при низкой гравитации изменило ее, как меняло всех. Руки, ноги, позвоночник – все несколько удлиненное, хотя и долговязостью это не назовешь. Просто иное сложение. Голова крупнее, чем задумано природой; сравнившись с Быком в росте, Мичо сохранила во внешности нечто от ребенка. От этого Бык рядом с ней чувствовал себя меньше ростом.

– Наверное, придется это исправить, – сказал он. – Когда устанавливали рельсовую пушку, исходили из того, что у нас стандартная обшивка и крепления. Беда в том, что мормоны сэкономили на массе. Заменяли стандартные металлические части керамикой и силикатами. По особому распоряжению. И теперь первый же выстрел сдерет с нас шкуру.

Они с Па шли по плавно изгибающемуся коридору. Свод потолка был белым и вдвое выше, чем необходимо, – дизайнеры, не подозревая, что строят военный корабль, позаботились об эстетике. Па шагала чуть шире, чем он, держалась при трети g чуть свободнее, так что Быку, чтобы не отстать, приходилось почти бежать. Это была одна из тысячи мелочей, которыми астеры напоминали уроженцам Земли, что те – не здешние. Старпом покачала головой.

– План работ составлен, – сказала она. – Если переписывать его всякий раз, когда что-то захочется изменить, тогда какой смысл был вообще его готовить?

Про себя Бык с ней соглашался, только выводы делал иные. Окажись он старпомом, он отнесся бы к плану как к абстрактному списку пожеланий, да и читал бы его, только когда придет настроение посмеяться.

Они подошли к эстакаде – плавно изгибающемуся переходу от командной палубы в носовой части «Бегемота» к его массивному барабану. Мост из владений Па к его вотчине.

– Послушайте, – примирительно улыбнулась Па, – я сделаю запись о том, что желательно переоборудование, но, пока не увижу общей картины, не стану принимать решений. Видите ли, если я начну отзывать средства на такие дела от контроля жизнеобеспечения, а на следующей неделе вдруг случится ЧП, все равно придется отыгрывать назад.

Бык оглядел эстакаду. Мягкий свет скрытых в стене ламп наполнял воздух бестеневым сиянием – небесный свет с привкусом сыра. Па положила руку ему на плечо. Возможно, она хотела выразить симпатию, но жест получился снисходительным.

– Так, понятно, – сказал он.

– Все будет хорошо, шеф, – утешила она, чуть сжав ему трапециевидную мышцу.

Кивнув, Бык стал спускаться по эстакаде в переходник. Шаги Мичо за спиной затерялись в гуле воздуховодов. Бык чуть не сплюнул себе под ноги.

«Бегемот», когда еще был «Наву», строился для иной жизни. Обычно межпланетные корабли представляли собой массивные многопалубные конструкции с эпштейновским двигателем на нижнем уровне. Его работа создавала на всем пути искусственную тяжесть – за исключением только короткого момента переворота в срединной точке, после которого ускорение сменялось торможением. Но ни один корабль, с эпштейновской тягой или без нее, не мог бесконечно выносить нагрузки и перепады температур, вызываемые ускорением. Кроме того, Эйнштейн нашел бы что сказать по поводу движения на релятивистских скоростях. «Наву» предназначался для жизни многих поколений, для пути, измеряемого не в световых минутах, а в световых годах. Время, проведенное при ускорении, составляло крайне малый процент общего срока жизни корабля. Командный пост в носовой части и механика двигателя в противоположной не слишком отличались от соответствующих элементов обычных судов, но их соединяли двухкилометровые шахты – одна для килевого лифта и вторая, доставлявшая людей к обшивке барабана.

Все остальные части должны были вращаться.

Весь многовековой путь к Тау Кита корпус «Наву» должен был вращаться. Десять палуб жизнеобеспечения, жилых помещений, храмов, школ, дистилляционных станций, мастерских и кузниц, а по центру – огромный интерьерный зал, словно вывернутая наизнанку Земля. Почва, фермы, иллюзия неба и подвешенный посередине атомный светильник, дающий свет и мягкое тепло земного солнечного вечера.

Все помещения и коридоры в этих отделах корпуса конструировались в предвидении долгих, медленных лет инерционного полета. Краткие периоды разгона и торможения в конечном пункте почти не принимались в расчет. А теперь кораблю только они и остались. Все, что строилось как полы, теперь оказалось стенами. Просторные прочные палубы, на которых должны были размещаться плодородные почвы маленького мирка, станут стенками практически бесполезного колодца. Все, что упадет с переходной платформы между командной палубой и барабаном, будет падать добрых два километра. Водопроводы в его стенах, сконструированные так, чтобы использовать гравитацию вращения и силу Кориолиса, останутся без применения. «Наву» был жемчужиной человеческого оптимизма и инженерного искусства. «Бегемот» оказался неуклюжей колымагой, и приклепанное к его бокам оружие было опаснее для него, чем для противника.

А Быку не позволяли устранить даже те проблемы, которые он предвидел. Он прошел через переходную станцию к своему кабинету. Все помещения здесь располагались наклонно в ожидании гравитации вращения. Они ее не дождутся. Открытая проводка, участки голого металла – все говорило о спешке и о надежде со временем разобрать корабль на запчасти. Быку тошно было даже проходить мимо.

Саманта Розенберг, давний шеф ремонтников Тихо, а теперь – старший механик «Бегемота», ждала в приемной, болтая с новым заместителем Быка. Бык пока не составил мнения о нем. Серж вступил в АВП во времена, когда это еще было опасно. Традиционную татуировку на шее – рассеченный круг – он носил с гордостью. Однако его, как и остальных безопасников, завербовала Мичо Па, и Бык еще не разобрался, кто есть кто. Пока он не доверял заместителю, и недоверие мешало заметить, что в нем было хорошего.

А вот Сэм ему нравилась.

– Привет, Бык, – поздоровалась она, когда Бык повалился на пенковый диванчик. – Добился разговора со старпомом?

– Поговорили, – сказал Бык.

– И как? – Судя по скрещенным рукам Сэм, она уже знала ответ.

Бык расчесал пальцами волосы. В молодости они были мягкими. Теперь он кончиками пальцев ощущал каждую волосинку. Вытащив свой терминал, он пролистал сообщения. Пять рапортов: три доклада о плановых проверках и два внеплановых – о травме и о мелком хищении. Все это могло подождать.

– Серж? – обратился он к заместителю. – Продержишься часок без меня?

– Сколько угодно, шеф, – ухмыльнулся Серж. Возможно, презрение в его тоне только послышалось Быку.

– Вот и хорошо. Идем, Сэм, поставлю тебе выпивку.

На кораблях коалиции, когда коалиция Земля – Марс еще существовала, здесь размещалась бы судовая лавка. АВП предпочел бар и пару семейных ресторанчиков, где, что ни закази, подавали готовые блюда из разряда «ешь, чтобы не умереть с голоду». Помещение бара, возможно, предназначалось под спортивный или бальный зал, в нем свободно расселась бы сотня человек, но никогда не бывало больше нескольких десятков за раз. Освещение заменили – в пластике песочного цвета сверкали бело-голубые светодиодные лампы. Крышки столов были черными, магнитными, чтобы удерживать на себе груши с напитками. Стекла здесь не полагалось.

– Че-че? – завидев их на пороге, выкрикнул бармен. – Морген! Аллес-меза, вы!
– Ме-я, – отозвалась Сэм, для которой жаргон астера был, как для Быка испанский или английский, родным языком.

– Чего тебе взять? – спросил он, пробираясь к столику. Бык предпочитал сидеть так, чтобы видеть дверь, – сказывалась старая привычка.

– Я на работе, – ответила она, усаживаясь напротив.

Бык поймал взгляд бармена и поднял два пальца.

– Лимонад.

– Са-са, – откликнулся бармен, вместо кивка поднимая кулак. Бык сел поудобнее и взглянул на Сэм. Симпатичная женщина. Фигуристая, с прической пикси и улыбочивая. При первом знакомстве Бык не меньше минуты подозревал, что она ему нравится. Но, если у него и были на нее какие виды, теперь это осталось позади.

– Не вышло? – спросила Сэм.

– Не вышло.

Сэм вздернула брови, оперлась локтями о стол. По мере того как Бык перечислял возражения и доводы Па, на ее лице проявлялась скептическая покорность судьбе.

– Дождаться переоборудования – это хорошо и правильно, – заметила Сэм, дослушав рассказ, – но, если мы вздумаем дать пробный выстрел, получится большой-пребольшой блямс.

– Уверена?

– Не на сто процентов, – признала Сэм, – но на восемьдесят точно.

Бык устало ругнулся. Бармен подал им груши с лимонадом – размером с его кулак, с яркими красными буквами на боках: «Плодоовощ малыша потехи». В кириллицу затесалась греческая «пи».

– Может, стоит мне с ней поговорить? – предложила Сэм. – Если прямо от меня услышит...

– Если прямо от тебя, может, и подействует, – согласился Бык, – но впредь на все мои предложения ответ будет «нет». «Это Бык просит? Ну, окажись дело важным, он бы послал астера». Так?

– Ты правда думаешь, это из-за того, что ты не здесь родился?

– Угу.

– Ну... может, ты и прав, – кивнула Сэм. – Извини.

– Землячество, – бросил Бык с притворным равнодушием.

Сэм взяла свой лимонад, задумчиво отпила. Опустила грушу – шелкнул, присасываясь, магнетик.

– Я ничего не имею против внутренков. Со многими вашими работала, процент дерьма не выше, чем среди астеров. Но эту рельсовую пушку надо закрепить как следует. Если единственный способ – подрезать тебя, я так и сделаю.

– Либо так, либо прикончить корабль, – кивнул Бык. – Но дай мне немного времени, попробую что-нибудь придумать.

– Начни от момента, когда придется стрелять, и отсчитай назад восемнадцать дней, – сказала Сэм. – Это крайний срок. Даже если все будут трезвые и сотрут себе яйца на работе, быстрее не выйдет.

– Я что-нибудь придумаю, – повторил Бык.

* * *

Оказалось, что на кражу жаловалась команда ремонтников, не способных договориться, как и где хранить инструменты. Травмирован был мальчишка, застрявший между палубными

пластинами на пути уборочного меха. Коленную чашечку ему раздробило примерно на дюжину осколков. Медики предпочли бы добрый простой перелом. Парень поправится, но для работы будет непригоден месяц, если не больше – пока не склеятся все куски.

В рапортах по проверкам было чисто – это означало либо что все хорошо, либо что проблемы скрывают в надежде, что как-нибудь утрясется. Полет к Кольцу готовили в большой спешке – а значит, предстоял медовый месяц, когда команда будет, фигурально выражаясь, выступать плечом к плечу и работать с душой. Каждый заранее знал, что без проблем не обойдется, потому в первое время они не будут подрывать моральный дух.

Должность старшего офицера безопасности на корабле АВП предполагала умение усидеть на двух стульях – быть наполовину копом, наполовину техническим экспертом, а еще – нянькой для тысячи человек, у каждого из которых свои планы, свои амбиции и свои представления, как следует делать дело. Хороший офицер безопасности целыми днями подхватывал дерьмо, норовящее просыпаться на тарелку капитану.

Хуже всего, конечно, было то, что формально обязанности Быка ограничивались внутренней жизнью корабля. Между тем земная флотилия уже гнала во весь дух в ночную тьму. Не меньшая эскадра марсианских военных кораблей – все, что осталось после двух «не будем называть это войной», – шла конвергентным курсом. В ту же сторону ковылял и «Бегемот», у которого имелась фора – он стартовал дальше от Солнца и вдали от больших масс, замедлявших движение. Все двигались к общей цели: к Кольцу.

Сводки будут направляться к капитану Ашфорду. Па, как старпом, тоже сможет их читать. Быку достанутся крохи информации и та смесь фактов и паники, что течет по новостным каналам. Ашфорд и Па чуть не весь рабочий день станут совещаться, обсуждать стратегии, шансы, проигрывать разные сценарии, а на Быка лягут все мелочи, на которые у начальства не сыщется времени.

А ему надо, чтобы задание было выполнено. Потому что Фред попросил.

– Хэй, шеф, – произнес Серж, и Бык поднял голову от стола-терминала. Помощник стоял в дверях кабинета. – Рабочий день окончен, я ухожу.

– Хорошо, – отозвался Бык. – У меня еще остались дела.

Когда завершу, закрою сам.

– Бьен алле, – кивнул Серж, и его легкие шаги прошелестели через приемную.

В коридоре Гутмансдоттир огладил седую бороду, Казимир отпустил какую-то шуточку, оба захихикали. Корин вопросительно кивнула показавшемуся Сержу. Дверь за ним закрылась.

Убедившись, что остался один, Бык вывел на экран график работ и взялся за поиски. Он не обладал полномочиями менять план, зато он мог изменить кое-что другое.

Два часа спустя, закончив, он выключил монитор и встал. В кабинете было темно, в коридоре – холодновато, на его вкус. Зато гул вентиляции утешал. Если воздуховоды замолчат – вот тогда будет повод для беспокойства. Бык потянулся, хрустнув позвонками между лопатками.

Скорее всего, они все еще сидели в баре – Серж, Корин и Казимир, Маконда и Гарза, похожие как братья, Йохо... Его люди – насколько он сумеет сделать их своими. Надо идти к ним, заводить дружбу.

И надо идти в каюту.

– Давай, старик, – сказал он сам себе, – пора расслабиться.

Запирая дверь кабинета, он припомнил слова Сэм: «Даже если все будут трезвые и сотрут себе яйца на работе, быстрее не выйдет». И застыл, задержав палец на замочной панели. Время было позднее, хотелось поесть, поспать и провести часок за «Семейными узами» – подаренная три года назад кухонной машинка позволяла следить, кто из родных где сейчас обретается. Его ждал контейнер с заморозкой зеленого чили – с Земли, от Хатча. До утра все это никуда не денется. Невозможно взваливать на себя всю работу. «Спасибо» все равно не дождешься.

Бык вернулся в кабинет, подключил стол и перечитал рапорт о травме.

* * *

Сэм хорошо смеялась. Смех шел из глубины, заполнял машинный зал, отражался от стен и потолка, так что казалось – смеется целая компания хохотуний. Двое техников обернулись к ней издали, улыбаясь сами не зная чему.

– Техобслуживание? – повторила она. – Шутишь, что ли?

– Рельсовая пушка вполне укладывается в понятие «техника», – ответил Бык. – Техника нуждается в регламентных работах.

– Новое понимание техобслуживания.

– Ну да.

– Не проскочит, – сказала она.

– А ты проверни все поскорей, – возразил Бык.

– Будет тебе дисциплинарное взыскание от Ашфорда, – уже серьезнее пригрозила Сэм.

– Его право. Но я еще об одном хотел поговорить. У тебя давеча что-то мелькнуло на тему трезвости команды?

Он точно свет выключил. Улыбка на лице Сэм погасла, как не было. Она скрестила руки, в уголках рта пролегли жесткие складки, сделавшие ее старше своего возраста. Бык кивнул, словно услышал ответ.

– Твои техники выходят на работу под градусом.

– Бывает, – буркнула Сэм и неохотно добавила: – Иногда алкоголь, но чаще – «порошок пикси» от недосыпа.

– У меня лежит рапорт про парнишку с разбитой коленкой. У него в крови было чисто, но вряд ли кто-нибудь взял анализ у водителя меха. Он даже не назван по имени. Странное дело, а?

– Если ты так считаешь...

Бык опустил глаза. Его темно-серые рабочие ботинки. Пол без пятнышка грязи.

– Мне нужно имя, Сэм.

– Ты же понимаешь, я не могу, – сказала она. – Эти паршивцы – моя команда. Если они перестанут меня уважать, нам конец.

– Я не стану зря тягать твоих ребят.

– Ты меня на свою сторону не переманивай. Извини, но у тебя и так здесь не слишком много друзей. Ты бы поосторожней с людьми.

Через проход от них два механика поднимали сломанный мех на ремстол. Доносились их голоса, но слов было не разобрать. Бык решил, что если он их не слышит, они тоже не подслушают.

– Так. Ну же, Сэм?

– Бык?

– Я прошу тебя выбрать, на чьей ты стороне.

Он видел, как она заколебалась. Всего несколько секунд сомнений, потом он отвел взгляд. Техники вскрыли мех, вынули из его спины электромотор. Он выглядел небольшим, как ящик пива, но выдавал такой крутящий момент, что можно было резать сталь. С таким не стоит шутить пьяные шутки. Сэм проследила его взгляд и угадала мысли.

– Для парня, частенько растягивающего правила под себя, ты бываешь слишком бескомпромиссным.

– Я твердо верю, что дело должно быть сделано.

Она помолчала еще минуту и назвала имя.

Глава 6. Холден

– До Урана очень далеко, – заметила Наоми.

Они шли по коридору к причальному доку. Она привела уже три аргумента против этого контракта, и по ее тону Холден догадался, что до конца списка далеко. При других обстоятельствах он решил бы, что она просто злится на него за эту работу. Она и вправду злилась, но не «просто».

– Да, – признал он, – далеко.

– А Титания – паршивый спутник с паршивой научной базой, – продолжала Наоми.

– Да.

– За те деньги, что они платят нам за перелет, мы могли бы эту Титанию купить, – напомнила Наоми.

Холден пожал плечами. Церера в этой части станции представляла собой лабиринт дешевых складских тоннелей и еще более дешевых конторских помещений. Грязно-белые от изоляционной пены стены – до природного камня астероида можно было за несколько минут доскрестись простым ножом. Судя по исцарапанным стенам, здесь у многих имелись ножи и свободные минуты.

Навстречу им по коридору двигался, повизгивая и попискивая, маленький автопогрузчик. Холден прижался к стене и подтянул к себе Наоми, освобождая дорогу. Водитель благодарно кивнул, проезжая мимо.

– Так зачем же они нас наняли? – настаивала Наоми.

– Может, они от нас без ума?

– На Титании, на этой их научной базе, сотня-другая человек, – гнула свое Наоми. – Знаешь, как им обычно доставляют грузы? Заряжают ими одноразовую ракетку и забрасывают на орбиту Урана из рельсовой пушки.

– Обычно, – отметил Холден.

– А сама компания? «Экспорт дальних рубежей». Если бы я создавала фирму-однодневку, знаешь, как бы я ее назвала? – «Экспорт дальних рубежей»?

– «Экспорт дальних рубежей», – сказала Наоми, остановившись перед входным шлюзом арендованного для «Росинанта» дока.

Над входом виднелась вывеска временного нанимателя: «Экспорт дальних рубежей». Холден потянулся к панели управления, но Наоми удержала его руку.

– Они нанимают военный корабль для доставки неизвестно чего на Титанию, – сказала она, понизив голос, словно опасалась чужих ушей. – Не дороговато ли за аренду? У нас грузовой отсек не больше картонки для шляп!

– Мы придаем им солидности? – неумело попытался отшутиться Холден.

– Что это такое, что надо посылать на Титанию срочно, украдкой и на тяжеловооруженном корабле? Ты не поинтересовался, что в тех ящиках, которые мы подрядились доставить?

– Нет, – признался Холден, – не поинтересовался. Как правило, я спрашиваю, но в этом случае предпочитаю не знать.

Наоми сердито и недоуменно нахмурилась.

– Почему?

Холден достал ручной терминал, вывел на экран орбитальную схему Солнечной системы.

– Видишь, вот здесь, с краешку? Это Кольцо. – Он прокрутил изображение к другому краю системы. – А вон – Уран. Дальше просто некуда.

– И? – поторопила Наоми.

Холден глубоко вздохнул, отгоняя тревогу, в которой не желал признаваться.

– И, хотя я нечасто об этом говорю, но что-то неприятное, большое и крутое знает меня по имени, и оно как-то связано с Кольцом.

– Миллер, – поняла Наоми.

– Кольцо вскрыли, и он узнал, что *это случилось*. Это было самое осмысленное из его слов, с тех пор как...

...*Как он воскрес из мертвых*. Слова не шли с языка, да Наоми и не нуждалась в них. Она просто кивнула. Поняла. Он, небывалый трус, бежал на дальнюю окраину Солнечной системы, спасаясь от Миллера и Кольца, от всего, что с ними связано. Он согласился бы везти человеческие органы для черного рынка, наркотики, сексботов – Холдену было плевать, что в этих ящиках. Потому что он струсил.

Что-то мелькнуло в ее взгляде. Холден так и не научился читать выражение ее лица, когда Наоми того не хотела.

– О'кей, – сказала она и сама открыла дверь.

У внешней оболочки Цереры гравитация была сильнее всего, и Холден чувствовал себя почти как на Луне или на Марсе. Погрузочные тоннели толстыми венами уходили в обшивку станции, ожидая мехов с грузом. Неопрятные заплатки отмечали места случайных пробоин. Воздух пах хладагентом и дешевыми фильтрами, напоминавшими Холдену о прокладках моче-приемников. Амос дремал на сиденье маленького вилочного автопогрузчика.

– Получили работу?

– Получили, – сказала Наоми.

Когда они подошли ближе, Амос приоткрыл один глаз. На его широком лбу прорисовалась единственная морщина.

– И мы рады? – спросил он.

– Мы довольны, – ответила Наоми. – Разогревай погрузчик, товар поступит через десять минут, и со станции надо убраться поскорей, пока не возникли подозрения.

Такая слетавшаяся команда, как у них, действует не просто эффективно, а еще и красиво. Долгий опыт приносит плавность движений, взаимопонимание и изящество. Через восемь минут после возвращения Наоми с Холденом «Роси» был готов к приему груза. Еще десять минут прошло без изменений.

И двадцать минут. И час. Холден мерил шагами погрузочный тоннель, кожу на загривке все явственней щекотали мурашки. – Ты уверен, что мы получили заказ? – спросил Амос.

– Мне эти ребята показались шустрыми, – ответила по коммутатору командной рубки Наоми. – Если бы не знала, что мы никому не давали номера счета, решила бы, что нас грабанули.

– Оплата здесь повременная, шеф, – подал голос из пилотской кабины Алекс. – Эти доки подсчитывают время стоянки до минуты.

Холден, проглотив раздражение, сказал:

– Позвоню им еще раз.

Достав терминал, он связался с офисом экспортной компании. Там, как и в прошлые разы, включился автоответчик. Холден дождался гудка, разрешавшего оставить сообщение, но прежде на экране у него высветился входящий вызов из той же конторы. Холден переключился на него.

– Холден слушает.

– Звоню из чистой любезности, капитан Холден, – прозвучал голос на том конце линии. Видео показывало логотип «Экспорта дальних рубежей» на сером фоне. – Мы отзываем контракт, а вам советуем очень-очень быстро покинуть док.

– Вы не имеете права его отзывать, – возразил Холден, стараясь скрыть панику за спокойным профессионализмом. – Мы подписали договор, мы получили задаток. Возврата не будет.

– Оставьте себе, – сказал собеседник, – хотя мы полагаем, что вы первыми нарушили контракт, умолчав о текущей ситуации.

– О ситуации? – удивился Холден. Не могли же они прознать о Миллере. *Наверное*, не могли. – Я не...

– Те, кто на вас охотится, ушли из офиса пять минут назад, так что вам стоит поторопиться со стартом. До свидания, мистер Холден...

– Постойте, – перебил Холден. – Кто у вас был? Что происходит?

Соединение прервалось.

Амос потер ладонями бледную, поросшую щетиной макушку. Сказал со вздохом:

– У нас проблемы, да?

– Угу.

– Сейчас вернусь, – кивнул Амос и, выбравшись из погрузчика, скрылся в корабле.

– Алекс? Как скоро мы сможем покинуть док? – спросил Холден и наклонился к переборке входного шлюза. С этой стороны вход не запирался. Зачем бы? Доки – временный причал для погрузки и разгрузки, охранять их нет смысла.

– Греюсь, – ответил Алекс, не задавая, как с благодарностью отметил Холден, лишних вопросов. – Десять минут от запуска стартовой программы – и буду готов.

– Врубай программу, – бросил Холден, спеша обратно к шлюзу. – Люк оставь открытым до последней минуты, мы с Амосом присмотрим, чтобы никто не помешал.

– Роджер⁹, кэп, – подтвердил Алекс и прервал связь.

– Чтоб никто не помешал? – повторила Наоми. – Что происходит?.. Эй, Амос, зачем тебе дробовик?

– Те страшные и шустрые гангстеры, с которыми мы подписали контракт...

– Ну, что они?

– Они нас вышвырнули. И те, кто запугал их до разрыва контракта, сейчас идут сюда. Думаю, дробовик – это не перебор.

Амос сбежал по эстакаде, держа в правой руке дробовик, а в левой – пехотную винтовку. Ее он бросил Холдену, сам укрылся за автопогрузчиком и прицелился во входной люк дока. Он, как и Алекс, не задавал вопросов.

– Я вам нужна? – спросила Наоми.

– Нет, но будь готова оборонять корабль, если они пройдут мимо нас с Амосом, – ответил Холден и направился к единственному оставшемуся в пустом доке укрытию – станции подзарядки погрузчика.

Амос небрежно осведомился:

– Кого ждем, хоть знаешь?

– Понятия не имею, – признался Холден, переводя винтовку на автоматический огонь и сглатывая подступившую к горлу рвоту.

– Ну и ладно, – бодро ответил Амос.

– Восемь минут, – предупредила с ручного терминала Наоми. Не много, но, если придется удерживать отсек под огнем, они покажутся вечностью.

Предупредительный сигнал входа в док трижды мигнул желтым, и переборка поехала в сторону.

– Пока не дам команду, не стреляй, – тихо сказал Холден. Амос что-то буркнул в ответ.

В отсек вошла высокая блондинка. Сложение землянки, лицо видеозвезды и наверняка не старше двадцати. Увидев мужчин, нацеливших на нее стволы, девушка подняла руки и пошевелила пальцами.

---

⁹ «Роджер» – принятый в американской армии сигнал окончания связи. Здесь употребляется в значении «принято», «подтверждаю».

– Я без оружия. – От улыбки у нее на щеках появились ямочки. Холден мучительно соображал, зачем мог понадобиться этой топ-модели.

– Привет! – Амос тоже заулыбался.

– Кто вы такая? – спросил Холден, не отводя ствола.

– Меня зовут Одри. Вы – Джеймс Холден?

– Хотите, я им буду? – вызвался Амос. – Только скажите.

Она улыбнулась, Амос улыбнулся в ответ, но оружие держал в прежней нейтральной позиции.

– Что у вас там? – прозвучал в ухе Холдена напряженный голос Наоми. – Нам угрожают?

– Пока не знаю, – откликнулся Холден.

– Но ведь это вы, да? Вы – Джеймс Холден. – Одри шагнула к нему, словно вовсе не замечая винтовки в его руках. Вблизи от нее пахло клубникой с ванилью. – Джеймс Холден, капитан «Росинанта»?

– Да, – признался Холден.

Блондинка протянула ему тоненький одноразовый ручной терминал. Холден машинально взял. На экране было его лицо, имя, коды удостоверений гражданина ООН и служащего флота ООН.

– Повестка вручена, – сказала девушка. – Извините. Приятно было познакомиться.

Она развернулась и вышла из дока.

– Что за фигня? – ни к кому не обращаясь, спросил Амос, опустив ствол вниз и снова ероша короткий ершик на голове.

– Джим? – позвала Наоми.

– Одну минуту.

Он пролистал вызовы и нашел то, что нужно, на восьмой странице. Марсиане требовали обратно свой корабль. Против него возбуждено дело в земном и марсианском судах – оспаривают владение «Росинантом» как спасенным имуществом. Правда, они называли корабль «Тахи». Корабль предписывалось немедленно изъять и поместить под арест.

Короткий разговор с «Экспортом дальних рубежей» прояснился.

– Кэп, – позвал по связи Алекс. – У меня выход из дока горит красным. Ввожу запрос. Как только с этим разберемся, выскочим, как пробка из бутылки.

– Что там происходит? – не отставала Наоми. – Мы летим или как?

Холден протяжно, глубоко вздохнул и высказался непечатно.

* * *

Однажды, пока ставшая независимой команда Холдена ждала заказа, «Росинант» пропылился без дела пять с половиной недель. Двенадцать дней под арестом показались длиннее. Наоми с Алексом почти все время проводили на корабле, рассылали запросы адвокатам и советникам по всей системе. Их ответы сходились в одном. Марс неспроста начал процесс не только в собственном, но и в земном суде. Даже если бы Холден с «Роси» сорвались с цепи на Церере, их не принял бы ни один большой порт. Им пришлось бы мотаться по полулегальным причалам Пояса, и, даже если бы там нашлась работа, с обеспечением корабля были бы большие сложности.

Участвуя в суде, они могли отстоять корабль, а могли и потерять, но в любом случае решение обошлось бы дорого. Банковский счет, до сих пор представлявшийся Холдену вполне надежным обеспечением, вдруг оказался маловат. Оказываясь на Церере, Холден не находил себе места, на «Роси» – тосковал.

За то время, что он командовал «Росинантом», не раз случались дела, которые могли кончиться печально. Но тогда речь шла об обстрелах, нечеловеческих чудовищах или отчаян-

ных рывках в планетарную атмосферу. Он с дрожью думал, каково будет, если погибнут Алекс или Амос. Или Наоми. Прикидывал, как эти трое сумеют обойтись без него. И не догадывался, что конец может наступить, когда все четверо будут в полном здравии. Что первым может уйти «Росинант».

Надежда явилась в облике съемочной группы документальной программы публичного вещания ООН. Их главная, конопатая шатенка Моника Стюарт, обладала тем профессиональным типом красоты, от которого, глядя на экран пилотской кабины, Холден чувствовал, что беседует со старой знакомой. Лично она не явилась.

– Сколько человек, говорите? – спросил Холден.

– Четверо. Два оператора, звукарь и я сама.

Холден погладил отросшую за восемь дней бороденку.

Предчувствие неизбежного камнем лежало в желудке.

– К Кольцу, – повторил он.

– К Кольцу, – кивнула Моника. – Нам нужна хорошая скорость, чтобы обогнать марсиан, земную флотилию и «Бегемот». При этом мы хотим получить некоторую гарантию безопасности. «Росинант» может ее обеспечить.

Наоми кашлянула, и Моника переключилась на нее.

– Вы уверены, что добьетесь снятия ареста? – спросила Наоми.

– Я под защитой Акта о свободе прессы. Имею права при работе над сюжетом на обоснованное использование наемного персонала и матобеспечения. Иначе любой мог бы остановить журналистское расследование, используя такие вот судебные аресты и тому подобное. В моем контракте будет проставлена дата месячной давности, доказывающая, что я наняла вас еще до того, как мы оказались на Церере. Я наберу полный зал адвокатов, которые утопят любые возражения в море бумаг – разгребать его на всю жизнь хватит.

– Стало быть, мы с самого начала работали на вас, – протянул Холден.

– Только если вы хотите, чтобы с дока сняли замок. Но нас нужно не просто доставить на место. Есть причины, по которым другой корабль мне не подходит.

– Я ждал этого «но», – сказал Холден.

– Мне нужно интервью с вашей командой. Для полета нашлось бы полдюжины подходящих кораблей, но выжившие на Эросе есть только на вашем.

Наоми обернулась к Холдену, тщательно согнав с лица всякое выражение. Что лучше: застрять на Церере, глядя, как «Роси» по сантиметрику вытягивают у них из рук, или броситься всей командой прямо в бездну? В Кольцо.

– Мне надо подумать, – сказал Холден. – Я с вами свяжусь.

– Я уважаю ваше право на размышление, – кивнула Моника, – но, пожалуйста, не затягивайте. Если мы не улетим с вами, нам придется искать другого.

Он разорвал связь. От тишины на палубе кабина показалась огромной и гулкой.

– Это не совпадение, – заговорил Холден. – Чтобы марсиане *случайно* заперли нас в здешней дыре и единственным способом вырваться *случайно* оказался бросок к Кольцу? Быть того не может. Нами играют. Кто-то все продумал заранее. Это он.

– Джим!..

– Это он. Миллер.

– Только не Миллер. Он двух фраз связать не может, – возразила Наоми. – Не способен он на такую сложную интригу.

Холден наклонился вперед, кресло под ним качнулось.

Голова была словно ватой набита.

– Даже если мы улетим, «Роси» все равно могут отобрать, – проговорил он. – Когда эта история кончится, мы окажемся не в лучшей позиции, чем теперь.

– Только мы уже не будем заперты на Церере, – поправила Наоми. – Мы улетим далеко и вернемся не скоро. Мало ли что изменится за прошедшее время?

– Думаешь, меня это утешает?

Наоми не обиделась, даже улыбнулась ему.

– Тоже верно...

Вокруг них гудел «Росинант» – системы проводили автоматическую проверку, вентиляторы разгоняли воздух по воздуховодам. Корабль дышал во сне. Их дом. Наконец у них есть дом. Холден протянул руку, переплел пальцы с Наоми.

– Деньги у нас еще остались, – сказала она. – И можно взять кредит. Купить другой корабль. Похуже этого, но... это еще не конец всему.

– А может, и конец.

– Все может быть.

– Значит, выбора нет, – кивнул Холден. – Отправляемся в Ниневию¹⁰.

* * *

Моника со своей группой явилась ранним утром. С ней прибыли несколько ящиков оборудования – операторы донесли их сами. Вживую Моника оказалась тоньше, чем выглядела на экране. Операторами у нее работали коренастая землянка Окью и смуглый марсианин про кличке Клип. Их камеры напоминали полевые орудия, объективы при нужде выдвигались почти до двух метров – настоящие телескопы, – а при необходимости уместиться в тесных закоулках корабля компактно складывались.

Звукооператор был слепым. Седые волосы, словно присыпанные пылью, и непрозрачные черные очки. Зубы желтые, как старая слоновая кость, а улыбка мягкая и человеческая.

По бумагам он проходил как Элио Касти, но документалисты почему-то звали его Коэн.

Все собрались на камбузе – четверка Холдена и четверка Моника. Стороны молча оценивались друг к другу. Им предстояло несколько месяцев прожить, стучаясь локтями. Чужие люди, запертые в коробочке из металлокерамики в бескрайнем океане пустоты. Холден прокашлялся.

– Добро пожаловать на «Роси», – сказал он.

---

¹⁰ Намек на библейскую историю пророка Ионы.

Глава 7. Мелба

Если бы не рухнул альянс Земли и Марса, если бы не война – или две войны, смотря как расценивать периоды затишья между сражениями, – гражданский корабль вроде «Сересье» не попал бы в конвой.

Корабли гибли над Ганимедом и в Поясе, а те, что остались, стерегли сейчас астероиды, расположенные так, что их несложно было столкнуть в гравитационный колодец. Потери заставили сменить мощные суда класса «Доннаджера», «Агаты Кристи» и «Гипериона» на стаи трех-четырёхместных корабликов поддержки.

Мелба знала, что это – не единственный шрам, оставленный войной. Фобос с его локальной станцией превратился в тонкое, почти невидимое кольцо вокруг Марса. Эрос погиб. Феба, пройдя сквозь ядерный ад, упала на Сатурн. Фермы на Ганимеди оказались в критическом состоянии. Венера была использована, а теперь брошена чужой протомолекулой. «Протоген» и «Мао – Квиковски» – две крупнейшие торговотранспортные компании системы – оказались выпотрошены, раскрадены и проданы.

«Сересье» начинал жизнь исследовательским судном, а теперь превратился в летучий вагончик для ремонтников. Отсеки, предназначенные под научное оборудование, стали мастерскими. Герметичные прежде лаборатории насквозь прошли трубы и провода жизнеобеспечения. Скрубберы, герметизаторы, тревожные системы раскинулись от палубы до палубы. Кораблик ковылял через равнодушный вакуум на реактивном хвосте эпштейновского двигателя. Среди ста шести душ на нем присутствовало несколько избранных – корабельная команда общим счетом не больше дюжины, а остальные – техники, механики и электрики.

Когда-то, думала Мелба, здесь был передний край науки. Когда-то «Сересье» прошивал небеса юпитерианских спутников, видел то, чего никто до него не видел. А теперь он в мелких сошках у правительства и открывает разве что примеси в водяных баках. Такое падение роднило Мелбу с узкими переходами и серыми пластиковыми трапами корабля. Она, Кларисса Мельпомена Мао, в школе была звездой: ее красота и популярность укреплялись властью и влиянием отцовского имени. А теперь ее отец – заключенный номер такой-то в закрытой тюрьме, в день ему выделяют всего несколько минут на связь, да и то с адвокатами, а не с женой и детьми. А она теперь Мелба Кох, спит в гелевой койке, пропахшей чужими телами, в каюте – да у нее шкафы были просторнее! И под началом у нее бригада работяг-электрохимиков: Станни, Рен, Боб и Соледад. Станни с Бобом не на один десяток лет старше нее, Соледад тремя годами моложе, с опытом двух шестнадцатимесячных рейсов. Официальный заместитель, Рен, из астеров и, как все астеры, с пунктиком насчет контроля жизнеобеспечения – у нормальных людей такие завороты случаются на сексе или религии. Она не спрашивала, как Рена занесло на земной корабль, а сам он не говорил. Мелба понимала, что месяцы пути к Кольцу будут нелегкими, но не предвидела, что окажется для нее тяжелее всего.

– Вот чертова сука, а? – сказал Станни. Он говорил с Реном по выделенному каналу связи. Будь она настоящей Мелбой, не смогла бы их подслушать. – Ни черта не соображает.

Рен хмыкнул, не поддерживая и не возражая.

– Не вылови ты на прошлой неделе тот сетевой фильтр на «Мекедоне», пошел бы каскад отказов, си но? И весь график к чертям.

– Может, и так, – сказал Рен.

Она находилась уровнем выше них. Вокруг бормотал истребитель «Сунг-Ан». Команда проводила обычную процедуру по обслуживанию техники. Все по графику, рутинно и предсказуемо. Десять часов назад они покинули «Сересье» на одном из дюжины транспортов, прицепленных к обшивке ремонтного корабля, и пробудут здесь еще пятнадцать часов, сменяя скрубберы и проверяя работу восстановителей воздуха. Она уже знала, что самую боль-

шую опасность представляет конденсат на клапанах. Такие подробности ей полагалось знать с самого начала.

Мелба подтягивалась по служебной шахте. Набор инструментов, подвешенный спереди, при ускорении в полный *g* оттягивал шею. Она подумала, что так, наверное, чувствуют себя беременные. Если ничего особенного не случилось, Соледад с Бобом сейчас спят в шлюпке. От нее ждут заключительной инспекции работ. И, похоже, думают, что она не справится.

Они, конечно, были правы. Мелба сама не знала, почему ее так задевает, что настоящие специалисты заметили ее неопытность. Она прочла несколько справочников, прокрутила несколько учебных программ. Главное, чтоб в ней видели натуральную начальницу-полузнайку. Уважение подчиненных ей ни к чему, они ей не друзья.

Следовало бы переключиться на Соледад с Бобом, проверить, не проснулся ли кто из них и не собрался ли ее искать. Это была важная часть плана – нельзя, чтобы ее кто-нибудь обнаружил. Но Мелба почему-то не могла оторваться от разговора Рена со Станни.

– Она вообще ничего не делает. Сидит в своей каюте, под конец работы выходит, просматривает, подписывает и опять в нору.

– Верно.

Этот стык и нарочно не пропустишь. Укрепленная переборка, яркие оранжевые надписи на пяти языках. Она постояла, подбоченившись и чувствуя себя победительницей. Победа, хотя и не такая чистая, как она рассчитывала. Мелба оглядела проход в обе стороны, хотя шансы, что ей помешают, сводились к минимуму.

Взрывчатка, привязанная на животе, от тепла тела стала податливой и ярко-зеленой. Остыв до температуры воздуха, она затвердеет и поблекнет до серого тона. Мелба еще раз удивилась ее плотности. Прилеплять ее к стыковочным швам – все равно что голыми руками разминать свинец. До конца работы было еще далеко, а костяшки пальцев уже болели. Мелба давала себе полчаса, но вышло почти вдвое дольше. Детонатор – черное пятнышко четырех миллиметров в поперечнике с десятью металлическими контактами, вжатыми в схватывающуюся замазку. На вид все чисто.

Закончив, она дважды протерла руки моющими салфетками, проверила, не осталось ли пластида под ногтями или на одежде. Собиралась проскочить один уровень без осмотра, но Рен со Станни продвигались быстро, и ей пришлось спуститься на лифте сразу на два. Они всё болтали, но теперь не о ней. Станни подумывал приударить за Соледад. Рен на лаконичном астерском жаргоне советовал воздержаться. Умник.

Лифт остановился, вошли трое солдат, мужчины. Мелба подалась назад, освобождая место, и ближайший поблагодарил ее вежливым кивком. Судя по нашивке на форме, парня звали Маркос. Она кивнула в ответ и уставилась себе под ноги, мысленно упрашивая не разглядывать ее. В форме она чувствовала себя как в маскарадном костюме. Умом понимала, что это не так, но все равно боялась, как бы пристальный взгляд не обнаружил фальшь. Как будто прошлое было написано у нее на лбу.

«Меня зовут Мелба Кох, – твердила она про себя. – Никем другим я никогда не была».

Лифт остановился на ее уровне, солдаты посторонились. Мелба задумалась, погибнет ли Маркос, когда придет срок.

* * *

Она не бывала у отца в тюрьме: даже если бы визиты допускались, встречаться пришлось бы в особом помещении, под наблюдением, под запись. Груз официального надзора выдавил бы все человеческие эмоции. Ей не позволили увидеть коридоров, по которым он ходит, камеру, где он спит, но после приговора она изучила планировку тюрем. Ее комната была на три сантиметра уже и на полтора длиннее камеры. «Она спала на койке-амортизаторе на шарнирах,

поворачивающейся соответственно изменению тяги, – койка отца была приварена к полу. Она могла в любое время выбраться наружу, пойти в общий душ или столовую. Ее дверь запиралась изнутри, в ее комнате отсутствовали камеры и микрофоны.

По всем существенным статьям у нее было больше свободы, чем у отца. Она изрядную часть времени проводила взаперти – но по собственной воле, а это совсем другое дело. Назавтра был назначен очередной перевод бригады – новый корабль, новая проверка и ремонт оборудования – якобы под ее руководством. А сегодня она могла полежать в койке, одевшись в простое хлопчатое белье, – она выбрала такое, какое купила бы Мелба. В ее терминале имелось пятнадцать учебных программ, и еще дюжина была доступна в общей базе корабля. Они охватывали все: от микроорганики питательных элементов до спецификации охладительных систем и стратегии управления. Неплохо было бы их почитать. Или если уж не читать, то хоть просмотреть собственные секретные файлы.

Джеймс Холден на экране выглядел фанатиком. Сводный портрет, собранный из десятков новостных программ, в которых в последние годы мелькал этот человек, с приоритетом на самые свежие кадры. Программа-симулякр, настоящей Мелбе такая была бы не по карману. Фальшивый Холден вполне мог одурачить и человека, и компьютер, хотя бы на время. Его карие глаза на экране были скошены с идиотической серьезностью. Подбородок начал обвинять, и даже малая гравитация не могла скрыть этого полностью. Заискивающая полуулыбочка сказала ей все, что нужно было знать о человеке, погубившем ее семью.

«Я – капитан Джеймс Холден, – заговорил симулякр. – То, что вы сейчас видели, – демонстрация угрозы. Мои помощники разместили такие же устройства на каждом из кораблей, находящихся сейчас в окрестностях Кольца. Всем заглушить двигатели. Я принимаю единоличную власть над Кольцом от имени Альянса Внешних Планет. Любой корабль, приблизившийся к Кольцу без моего личного позволения, будет уничтожен...»

Она включила паузу, поддельный Холден застыл в странной незавершенной позе. Кончиком пальца она обвела его плечи, очертания щеки и ткнула в глаз. И пожалела, что не сочинила более зажигательной речи. Когда придумывала ее на Земле, казалось, что достаточно приписать ему претензии на единоличный контроль над Кольцом. Теперь с каждым просмотром она все больше убеждалась, что поскромничала.

Проще было бы убить Холдена. Наемные убийцы обходятся сравнительно дешево, но она достаточно изучила имиджевое управление и социальную динамику, чтобы понять, к чему это приведет. Мученичество, канонизация, любовь. Множество теорий заговора, тень подозрения на всех, от АВП до отца. Полная противоположность тому, чего она добивалась. Холдена следовало унижить, стереть из памяти. Тот, кто придет за ним, должен, оглядываясь назад, увидеть, к чему вели все его действия, все его заявления, все праведные, самоуверенные решения якобы на благо людей. Его имя должно было стать именем великого предателя, преступника, злодея с манией величия. Когда она покончит с Холденом, все, к чему он приложил руку, станет выглядеть злодеянием – в том числе и гибель ее семьи.

Где-то в недрах «Сересье» штурман приступил к небольшой коррекции курса, *низ* сдвинулся на полградуса в сторону. Койка под ней повернулась. Мелба постаралась сразу забыть об этом. Она предпочитала воображать себя в гравитационном колодце, не вспоминать лишний раз, что подвластна инерции и ускорению.

Ручной терминал коротко пискнул, приняв сообщение. На первый взгляд оно показалось бы обычной рекламой. Рекламой инвестиций, от которой разумный человек не откажется, в сопровождении видеопрезентации, каковую всякий случайно заглянувший в ее терминал принял бы за порченный файл.

Появившийся на экране человек носил черные, непрозрачные на вид очки. Он был подстрижен почти наголо, каждое его движение выдавало действие перегрузки. Звукооператор прокашлялся.

– Посылка доставлена и готова к испытаниям. Я заверю отправку баланса, как только получу подтверждение. Должны поступить еще несколько чеков, а я малость под напряжением... – На заднем плане что-то зашипело, послышался отдаленный смех – женский. Файл закончился.

Мелба прокрутила его еще четыре раза. Сердце частило, пальцы словно простреливало током. Конечно, надо высылать подтверждение. Но это последний, самый опасный шаг. «Росинант» попал в руки Холдену вместе с лучшей армейской аппаратурой, да и позже в систему безопасности могли вносить изменения. Она установила простое удаленное соединение, закольцованное через временный коммерческий счет на станции Церера. Сообщение с «Росинанта», подтверждающее, что обходной путь налажен и действует, что корабль в ее руках, может идти несколько дней. Зато когда придет...

Последний кусок встанет на место. Мелба преисполнилась почти религиозной уверенности: все будет хорошо. Никогда еще крошечная каютка с исцарапанными стенами и слишком яркими светодиодными лампочками не казалась такой уютной. Мелба приподнялась с койки. Появилось желание отметить это, но, конечно, рассказывать никому было нельзя. Но хотя бы просто с кем-нибудь поболтать...

В коридорах «Сересье» двое бы не разошлись, разве что боком. В столовой для команды могли, локоть к локтю, усесться двадцать человек. Самым «просторным» помещением был фитнес-центр рядом с медотсеком. Беличьи колеса и тренажеры требовали места – чтобы никого не задело в тесноте рычагом или приводным ремнем. И воздух, согласно требованиям безопасности, был самым свежим, так что народ здесь и собирался.

Из своей команды она застала только Рена. При обычной микрогравитации он бы, наверное, тренировался в баке с гелевым сопротивлением, а при полной g работал на обычном колесе. Бледное лицо его блестело от пота, морковные волосы были стянуты в хвостик на затылке. Он странно выглядел: крупная голова казалась еще больше из-за ярких волос, а легкая фигура придавала сходство с героем детского мультика.

Он кивнул, заметив вошедшую начальницу.

– Рен, – заговорила Мелба, встав перед тренажером. Она ощущала на себе взгляды со всех сторон, но здесь, на «Сересье», уже почти не чувствовала себя самозванкой. Или ее несла на крыльях хорошая новость. – Можно тебя на минутку?

– Шеф? – спросил он вместо «да», но колесо притормозил до скорости неторопливого шага. – Ке са?

– Я слышала, что говорит обо мне Станни, – начала она.

Лицо Рена замкнулось. – Я просто хотела...

Она насупилась, потупила взгляд, а потом отдалась порыву.

– Он прав. Я не справляюсь с работой. Получила ее по блату, и мне не хватает квалификации...

Рен моргнул, бросил взгляд через ее плечо, проверяя, не слышал ли кто. Мелбу это не волновало, но его жест показался ей милым.

– Не все так страшно, – ответил он. – Я хочу сказать, там кое-что, здесь кое-что, но видал я шефов и похуже.

– Мне нужна помощь, – сказала она. – Чтобы справляться с работой по-настоящему, мне нужна помощь. Человек, которому я смогу доверять. На кого смогу рассчитывать.

Рен кивнул, но чуточку свел брови. Выдохнул и сошел с колеса.

– Я хочу работать как следует, – продолжала Мелба. – Ничего не упуская. И хочу, чтобы бригада меня уважала.

– Ну еще бы.

– Я знаю, что заняла твое место.

Рен опять шумно выдохнул, даже щеки надулись. Самое выразительное движение, какое она у него видела. Он прислонился к стене, встретил ее взгляд и как будто впервые увидел.

– Спасибо, что ты так решила, шеф, но мы здесь оба чужаки, – сказал он. – Держимся вместе, бьен?

– Хорошо, – сказала она, опершись о стену рядом с ним. – Так в чем я ошиблась с тем фильтром?

Рен вздохнул.

– Сетевые фильтры – хитрые устройства, а спроектированы по-дурацки, – сказал он. – Они связаны друг с другом в отдельную сеть, так? Подключишь один задом наперед – допустим, он нормально работает, но при следующей перезагрузке пошлет по линии ошибочный сигнал. Запустит диагностику в следующем, потом еще в одном. Вся сеть замигает рождественской гирляндой. Накопятся ошибки сети – файлы закроются, полетит вся сеть, и придется вручную проверять каждый узел. При свете фонариков, а начальство потом откусит нам яйца.

– Как?.. Не может быть, – удивилась Мелба. – Серьезно? Он способен запороть всю сеть?

– Поняла, да? – улыбнулся Рен. – А все, что надо, – так это подправить его, чтобы невозможно было вставить задом наперед и чтобы он не передавал ошибку по всей сети. Но этого до сих пор не сделали. У нас во многом так, шеф. Мы пытаемся вылавливать маленькие неприятности, пока они не выросли. Бывает, крошечная ошибка – действительно пустяк. А бывает – приводит к большой беде.

Слова прозвучали церковным колоколом. Отдались эхом. Она и есть такая ошибка, пустяковый отказ. Она, если честно, сама не понимала, что делает, и ей все сходило с рук. Пока ошибка не передалась дальше, пока все не пошло вразнос. У Мелбы перехватило горло. Она почти пожалела, что не проговорила.

Она – как подключенный не тем концом сетевой фильтр. Незаметная ошибка, способная погубить всю систему.

– А с ребятами... ты на них не злишься. Они просто пар спускают. Дело и не в тебе, в общем-то. Просто страх сказывается.

– Страх?

– Ясное дело, – кивнул Рен. – Здесь все до смерти перепуганы. Скрывают страх, делают дело, но кошмары всех мучают. Естественно, да?

– Чего же все боятся? – спросила Мелба.

Дверь у нее за спиной открылась и закрылась. Вошедший произнес что-то на незнакомом ей языке. Рен покачал головой, и ее затошнило от дурного предчувствия. От ощущения ошибки. В чем-то она ошиблась, повела себя не как все, но не понимала, на чем попала.

– Кольцо, – проговорил он наконец. – Оно погубило Эрос. Чуть не погубило Марс. И никто не понимает, что оно сотворило с Венерой. Убило того мальчишку-«пращика». Каждый второй здесь мечтает садануть по нему ядерным зарядом, а вторая половина боится, что это его только разозлит. Мы ныряем на самое дно, чтобы заглянуть в глаза дьяволу, и Станни, Сол, Боб – все до безумия боятся того, что увидят там. Я тоже.

– А, – сказал Мелба. – Ясно. Это я понимаю.

Рен неумело улыбнулся.

– А ты? Тебе не страшно?

– У меня мысли другим заняты.

Глава 8. Анна

Ноно с Нами улетели на Землю на неделю раньше челнока, которым отправлялась Анна. Эта неделя одинокой жизни в комнатах, куда она уже не вернется – куда они уже не вернутся, – была похожа на ласковое предвестие смерти: глубокая меланхолия и, стыдно признаться, немного радостного волнения.

Челнок с Европы присоединялся к флотилии в числе последних – значит, предстояло восемнадцать часов серьезных перегрузок. К тому времени, как Анна ступила на палубу «Принца Томаса», ей хотелось только в койку и проспять часов двенадцать. Однако у молодого гвардейца, которому поручили встретить и сопровождать ее, были другие планы, а на невежливый отказ у нее уже не хватило сил.

– «Принц» – боевой корабль класса «Ксеркс», то есть относится к дредноутам третьего поколения, – объяснял парень, показывая на белую керамику, прикрывавшую гель на внутренних стенах ангара. Челнок, уместившийся в причальном отсеке, словно съезжился под огромными соборными сводами. – Мы говорим «третье поколение», потому что это третья модель с начала конфликта между Землей и Марсом.

«Какой там конфликт», – подумала Анна. Марсиане заговорили о независимости, ООН понастроила кораблей, Марс тоже строил. А потом Соломон Эпштейн из марсианского яхтмена-любителя превратился в изобретателя двигателя, который впервые позволил решить проблемы перегрева и быстрого выгорания топлива при постоянном ускорении. У Марса вдруг оказалось несколько очень-очень высокоскоростных кораблей. И Марс сказал: «Эй, там, мы намерены колонизировать Солнечную систему. Будете и дальше с нами ссориться или хотите присоединиться?» Земля предпочла отказаться от прав на Марс в обмен на половину Солнечной системы.

Это не значило, что обе стороны перестали разрабатывать новые способы убивать друг друга. На всякий случай.

– ... Чуть больше километра в длину и двести метров в самом широком поперечном сечении, – продолжал гвардеец.

– Впечатляет, – отозвалась Анна.

Солдат поставил ее багаж на тележку и покатил по эстакаде к лифту.

– Эти лифты движутся по всей длине корабля, – заметил он, нажимая кнопку. – Мы их называем килевыми...

– Потому что они тянутся вдоль корабельного днища?

– Да! Так называлась нижняя часть морских судов, и на космических термин сохранился.

Анна кивнула. Юношеский энтузиазм был утомительным и в то же время обаятельным. Мальчику так хотелось ее изумить, что она решила послушно изумляться. Ей это было не так уж трудно, а ему приятно.

– Конечно, днище для корабля – условность, – заговорил гвардеец, когда лифт пришел в движение. – При гравитации ускорения палубы всегда располагаются в направлении, обратном тяге, против движения корабля. Верх всегда в противоположной от двигателя стороне. Корабли поменьше способны сесть на планету, у них в днище располагаются амортизаторы, опоры и дюзы для взлета.

– Думаю, «Принц» для этого слишком велик, – заметила Анна.

– Конечно, слишком. Зато наши челноки и корветы годятся для высадки, хотя и нечасто бывают на планетах.

Дверь лифта беззвучно открылась, и гвардеец выкатил багаж в коридор.

– Закинем вещи в ваши покои – и начнем экскурсию.

– Гвардеец? – начала Анна. – Можно к вам так обращаться?

– Конечно. Или мистер Ичигава. Или даже Йен – вы ведь штатская.

– Йен, – продолжила Анна, – а можно мне пока остаться в своей каюте? Я очень устала. Парень остановился и дважды моргнул.

– Но капитан велел устраивать для всех важных гостей полную экскурсию. Даже в рубку, а туда обычно допускают только служебный персонал.

Анна тронула юношу за плечо.

– Я понимаю, что мне оказана честь, но предпочла бы увидеть рубку, когда глаза не будут слипаться. Вы ведь меня понимаете? – Она легонько пожала ему плечо и улыбнулась самой обаятельной своей улыбкой.

– Конечно, – улыбнулся в ответ Йен. – Сюда, мэм.

Осматриваясь по сторонам, Анна усомнилась, хочет ли видеть весь корабль. Коридоры выглядели одинаковыми. Стены покрывал губчатый серый материал – верно, защищавший от травм при маневрировании. А где не было губчатой обивки, там виднелся серый металл. Большинство сочло бы самыми интересными те части «Принца Томаса», которые предназначались для уничтожения других кораблей, но Анну это интересовало меньше всего.

– Так можно? – после паузы спросил Ичигава. Анна не поняла, о чем он говорит. – Называть вас «мэм» – можно? У некоторых важных гостей есть титулы. Пастор, преподобный, дьякон... не хочу показаться грубым.

– Ну, тех, кто мне не нравится, я заставляю обращаться ко мне «преподобный доктор», но вы очень нравитесь, так что, пожалуйста, не надо.

– Спасибо, – сказал Ичигава и покраснел до заливки.

– Окажись вы моим прихожанином, называли бы меня «пастор Анна». Вы буддист?

– Только когда бываю у бабушки, – подмигнул Йен. – А так я – флотский.

– Это новая религия? – засмеялась Анна.

– Флотские считают, что да.

– Отлично. – Анна снова усмехнулась. – Тогда почему бы не называть меня просто «мэм»?

– Слушаюсь, мэм, – откликнулся Йен, останавливаясь у двери с номером ОО 297–11 и вручая ей металлическую карточку. – Вот ваша каюта. Приложите карточку, дверь откроется. А когда вы будете внутри, она останется запертой, пока не нажмете желтую кнопку у двери.

– Звучит так, будто это очень надежно, – заметила Анна, взяв карточку и пожав парню руку.

– «Принц Томас» – военный корабль, мэм. Надежнее места не найдешь во всей Солнечной системе.

* * *

Ее покои были шириной три метра и длиной четыре. Роскошь по флотским меркам, нормально для небогатой Европы, гроб гробом для жительницы Земли. От разницы в реакциях двух Анн у нее на минуту закружилась голова. Такое же чувство – будто разделяешься надвое – она пережила, ступив на палубу «Принца» и ощутив давление полной гравитации. Землянка, которой она была чуть не всю жизнь, пришла в восторг, ощутив наконец свой *правильный* вес. Жительница Европы почувствовала только усталость и ломоту в костях.

Анна задумалась, долго ли придется Ноно восстанавливать «земные ноги». И скоро ли научится ходить по Земле Нами. Обе всю дорогу накачивали мускулатуру и принимали стимуляторы костного роста, но лекарства не всемогущи. Общим предстояли мучительные недели, а то и месяцы привыкания к новой силе тяжести. Анна представляла, как Нами пытается подняться на четвереньки, как привыкла на Европе, представляла ее возмущенный вопль – когда

еще девочка снова научится передвигаться без посторонней помощи! У малышки сильный характер, ее наверняка возмутит потеря с таким трудом завоеванных за два года умений.

От этих мыслей у Анны заныло в груди, как раз за грудиной.

Она стукнула пальцем по блестящей черной панели, включив комнатный терминал. Потратила несколько минут, разбираясь с интерфейсом. Возможности ограничивались обращением к корабельной библиотеке и приемом-отправлением аудио- и видеосообщений.

Включив запись, Анна заговорила:

– Привет, Ноно, привет, Нами! – Она помахала в камеру. – Я уже на корабле, лечу. Я... – Она умолкла, обвела взглядом каюту, стерильные серые стены и спартанскую койку. Схватила подушку и снова повернулась к камере. – Я уже соскучилась по вам обеим. – Она крепко прижала подушку к груди. – Вот это вы. Вы обе.

Она поспешно отключила запись, пока не расплакалась, и успела умыться, когда панель прогудела о приеме нового сообщения. Анна знала, что Ноно никак не могла уже получить ее письмо и успеть ответить, и все же сердце у нее перевернулось. Она бросилась просматривать сообщение. Это было простое приветствие с напоминанием, что знакомство VIP-гостей с командным составом планируется в столовой в 19:00. На часах пока было 13:00.

Анна установила будильник на нужное время, прямо в одежде забралась в койку и плакала, пока не уснула.

* * *

– Преподобный доктор Воловодова, – прогудел мужской голос, едва она вошла в офицерскую столовую.

Столы вдоль стен были празднично накрыты, а на свободном пространстве посреди помещения группками стояло около сотни человек. Четверо барменов за импровизированной барной стойкой не скучали. Высокий темнокожий мужчина с аккуратно причесанными белыми волосами, в безупречном костюме, скользил сквозь толпу, как Венера над водами. «Как это он умудряется?» – удивилась Анна. Подойдя, мужчина пожал ей руку.

– Я счастлив, что вы с нами. Много наслышан о вашей великолепной работе на Европе и не представлял, чтобы Мировая церковь методистов выбрала для столь важной миссии кого-либо другого.

Анна ответила на пожатие и осторожно отняла руку. Доктор Гектор Кортес, отец Хэнк для ста миллионов зрителей его живого вещания, близкий друг и духовный советник самого генерального секретаря. Анне в голову не приходило, что этот человек знает о ее существовании. Ее крошечный приход на Европе – меньше ста человек – не стоил упоминания в сравнении с его паствой, разбросанной по всей Солнечной системе. Лестный комплимент смутил Анну и вызвал подозрения.

– Доктор Кортес, – отозвалась она, – как приятно с вами познакомиться! Вашу программу я, конечно, смотрю.

– Конечно, – подтвердил он с рассеянной улыбкой, уже высматривая нового собеседника.

Анна догадалась, что он подошел не столько ради удовольствия ее приветствовать, сколько ради предлога отделаться от надоевшего собеседника, и, не зная, обижаться или вздохнуть с облегчением, решила отнестись к этому с юмором.

Пожилой человек в классическом одеянии католического священника, подобно мелкому небесному телу, захваченному в орбиту большого, оторвался от общей компании и направился в сторону доктора Кортеса.

Анна хотела представиться сама, но гулкий голос Кортеса заглушил ее:

– Отец Мишель, позвольте представить моего друга – преподобный доктор Аннушка Воловодова, трудилась во славу Господа в Методистской церкви Европы.

– Преподобная Воловодова, – кивнул католик. – Я отец Мишель, имею приход в Риме.

– Очень приятно... – начала Анна.

– Не дайте ему одурачить вас ролью старого смиренного священника, – прогудел над ее головой Кортес. – Он епископ и скоро станет кардиналом.

– Поздравляю, – пробормотала Анна.

– А, это пустое. Суэта и дым, – расплылся в улыбке старик. – Ничто не свершается иначе, как по Господню промыслу. – Если это так, вас здесь не должно быть, – заметил Кортес.

Епископ захихикал.

Вслед за официантом с бокалами шампанского к ним подошла женщина в дорогом голубом платье. Они одновременно с епископом взяли бокалы с подноса, Анна с улыбкой отказалась, и официант скрылся в толпе.

– Прошу вас, – обратилась к Анне женщина, – не оставляйте меня пить один на один с католиком, моя печень этого не переживет.

– Благодарю, но...

– А вы, Хэнк? Я слышала, вы никогда не откажетесь от рюмочки? – Женщина подчеркивала каждое слово плавным движением бокала. Кортес улыбнулся ничего не выражающей улыбкой.

– Я Анна. – Анна протянула женщине руку. – У вас чудесное платье.

– Благодарю. Я – миссис Роберт Фэган, – с наигранной официальностью представилась женщина. – Для тех, кто не просит денег, – Тилли.

– Приятно познакомиться, Тилли, – сказала Анна. – Извини, но я не пью.

– Боже, спаси меня от умеренности, – провозгласила Тилли. – Тот не знает веселья, кто не видел, как англиканцы с католиками наперегонки ныряют на дно бутылки.

– Напрасно вы так, миссис Фэган, – упрекнул отец Мишель. – За мной ни один англиканец не угонится.

– Хэнк, как это Эстебан выпустил тебя из вида? – Анна не сразу сообразила, что Тилли говорит о генеральном секретаре ООН.

Кортес покачал головой и скроил обиженную мину, не снимая своей вечной сияющей улыбки.

– Миссис Фэган, я смущен верой и доверием ко мне генерального секретаря, позволившего мне участвовать в важнейшем со смерти Господа нашего историческом событии.

– Вера и доверие! – фыркнула Тилли. – Скажите лучше, что он верит в сто миллионов голосов, которые вы принесете ему в июне.

– Мадам! – Кортес только теперь повернулся к Тилли лицом. Улыбка его не дрогнула, но атмосфера между ними несколько остыла. – Возможно, вы выпили лишний бокал шампанского?

– Да что вы, я только начала!

Отец Мишель бросился спасать ситуацию, взял Тилли за руку.

– Полагаю, наш дорогой генеральный секретарь еще более благодарен вашему мужу за его вклад в предвыборную кампанию. Хотя вам этот круиз обошелся в небывалую цену.

Тилли фыркнула и отвернулась от Кортеса.

– Фигня, Роберт может себе позволить.

Последовала неловкая пауза. Отец Мишель виновато улыбнулся Анне, извиняясь за вульгарность новой знакомой. Анна улыбнулась в ответ – улыбкой настолько фальшивой, что даже не притворялась настоящей.

– А вот эти все? – опять заговорила Тилли, обводя жестом всех присутствующих. – Художники, писатели, актеры... Сколько голосов приносит в банк актер? Они хоть сами-то голосуют?

– Это символ. – Лицо отца Мишеля изобразило отработанную задумчивость. – Все человечество ищет ответа на главный вопрос нашей эпохи. Мирское и божественное плечом к плечу перед величием тайны: что есть Кольцо?

– Мило, – бросила Тилли. – Повторите это в проповеди. – Спасибо, – кивнул отец Мишель.

– Что есть Кольцо? – нахмурилась Анна. – Вход в червоточину, тут ведь, по-моему, не осталось вопросов? Теоретики не первый век об этом толкуют. Очень похоже: нечто проходит в него, но не появляется на другой стороне. Сигнал передатчика ослабевает и в конце концов гаснет. Это червоточина.

– Безусловно, подобное возможно, – согласился отец Мишель так кисло, что Тилли усмехнулась. – В чем вам видится цель нашего присутствия здесь, Анна?

– Суть не в том, *что* оно такое. – Анна с радостью вернулась к близкой ей теме. – Главное – что оно *означает*. Оно изменит все, и даже если перемены окажутся восхитительными, они вызовут смятение. Людям нужно будет как-то вписать их в свое понимание Вселенной. И в свои представления о Боге, со всем новым, что *она* расскажет о Нем. Присутствуя здесь, мы сможем дать им утешение – иначе не смогли бы.

– Согласен, – сказал Кортес. – Наше дело – помогать людям в постижении великих тайн. А эта тайна – всем тайнам тайна.

– Нет, – начала Анна, – я не про объяснения...

– Если хорошо разыграете свои карты и добудете для Эстебана еще четыре года, – загнула ее голос Тилли, – я назову это чудом.

Кортес сверкнул улыбкой в сторону компании у дальнего стола. Человек в свободном оранжевом одеянии поднял руку и помахал им.

– Ты способна им верить? – спросила Тилли.

– Я верю, что это делегаты из Церкви человечества возносящегося, – ответила Анна.

Тилли покачала головой.

– Человечество возносящееся... Ничего себе, вот это да!

Создадим собственную религию и объявим себя богами.

– Осторожно, – посоветовал Кортес, – есть и другие боги.

Отец Мишель, заметив смущение Анны, попытался ее выручить:

– Доктор Воловодова, я знаком со старейшиной той группы. Замечательная женщина, мне хотелось бы вас познакомить. Если остальные нас извинят...

– Простите, – сказала Анна и осеклась, потому что в столовой вдруг стало тихо.

Отец Мишель и Кортес уставились на что-то у самого бара. Анна обошла Тилли, которая загоразивала ей эту часть зала. Сперва перед глазами мелькали только отступающие к стенам люди, а потом у опустевшего бара остался молодой человек в режущей глаз одежде. Он чем-то облился: прозрачная жидкость стекала по волосам, по плечам красного костюма. В воздухе повис резкий запах спиртного.

– За народ Аштан, – дрожащим от страха и возбуждения голосом завопил молодой человек. – Свободу Этьену Барбара! И свободу афганскому народу!

– О боже, – пробормотал отец Мишель, – он...

Анна не разглядела, откуда взялся огонь, но пламя мгновенно охватило юношу. Вопль Тилли вызвал в ее ошеломленном сознании лишь раздражение. Право, когда это вопли кому-нибудь помогали? Она сознавала, что фиксация на раздражении – тоже способ отвлечься от ужаса, творящегося перед глазами, но сознавала отдаленно и смутно. Анна хотела приказать Тилли заткнуться, но тут активировалась противопожарная система, из стен и потолка ударили пять струй пены. Огненный человек мгновенно стал белым от пузырьков пены. Запах горелых волос боролся с запахом алкоголя.

Никто не успел опомниться, а в столовую уже хлынули флотские. Суровые молодые люди обоих полов с оружием в кобурах на боку спокойно приказали всем оставаться на местах, пока не закончит работу аварийная команда. Медики отчистили от пены несостоявшегося самоубийцу. Тот выглядел не столько пострадавшим, сколько ошеломленным. На него надели наручники, а потом уложили на носилки и в одну минуту вынесли за дверь. После этого вооруженные люди, казалось, несколько расслабились.

– Быстро его загасили, – заметила Анна проходившей мимо женщине с оружием. – Это хорошо.

Женщина – вернее, девушка, почти школьница – рассмеялась.

– Это военный корабль, мэм. У нас хорошая система пожаротушения.

Кортес метался по столовой, заговаривая своим гулким голосом то с одним, то с другим из старших офицеров. Казалось, он был не в себе. Отец Мишель, похоже, безмолвно молился, и Анне захотелось присоединиться к нему.

Тилли взмахнула опустевшим бокалом. Она побледнела, на щеках горели два красных пятна.

– Ну-ну, кажется, перелет будет не таким уж скучным.

Глава 9. Бык

Дело шло бы скорее, запроси он больше людей, но Бык, пока не разобрался, кто чем дышит, предпочитал не доверять многим. А лучше – вообще никому.

Тысяча человек команды более или менее наводила беспорядок всюду, где его и без того хватало. На такие мелочи, как отдельная личность, шефу безопасности приходилось выбирать минуты на никчемных собраниях отдела или во внеслужебное время. На каждом корабле случаются нарушения распорядка. В этом внеплановом сборном рейсе «Бегемота» порядка вовсе не было. Пока корабль и команда притирались друг к другу, повсюду царил хаос. Понемногу создавались правила, формировались привычки, обычаи, культура. Норма еще не установилась, и потому ничто не казалось странным.

С другой стороны, всего-навсего тысяча человек.

На каждом корабле есть теневая экономика. Кто-то на «Бегемоте» наверняка платил за услуги сексом. Кто-то устраивал карточные игры, салоны игровых автоматов, начинал свой маленький рэкет. Кто-то кого-то подкупал, чтобы человек что-то сделал или чего-то не сделал. Так происходит везде, где собирается много народу. От Быка вовсе не требовалось все это сокрушить. Его дело было – поддерживать уровень, при котором корабль движется вперед без серьезных аварий. И установить границы.

Алекси Майерсон-Фрейд занимался продуктами питания. На Тихо он был специалистом среднего уровня, имел дело в основном с дрожжевыми баками, настраивал биоинженерные процессы так, чтоб получать содержание минеральных добавок и солей, достаточное для выживания человеческого организма. Дважды был женат, имел ребенка, с которым не встречался пять лет, мерился силами с величайшими в истории полководцами в сетевой военной игре, воспроизводившей сражения древности. На восемь лет моложе Быка, волосы мышинной масти, застенчивая улыбка и побочный доход от продажи состава, называемого астерами «порошком пикси», – смеси стимуляторов и эйфориков. Все это Бык выяснил точно.

Уже выяснив, он несколько дней выжидал. Не слишком долго. Ровно столько, чтобы проследить за передвижениями Алекси через систему наблюдения. Следовало убедиться, что над парнем не плавают рыба покрупнее, что у него нет затаившегося партнера или связей в команде самого Быка – а то и, не дай бог, в команде Ашфорда. Таких не обнаружилось.

По правде сказать, не хотелось ему этим заниматься. Бык знал, как все будет, и предпочитал отложить еще минут на пятнадцать, или на после обеда, или на завтра. Но каждый раз, когда он откладывал, кто-то выходил на смену под кайфом и мог допустить дурацкую ошибку, причинить вред кораблю или самому себе, наконец, погибнуть.

Момент настал посреди второй смены. Бык отключил свою панель, поднялся, взял из оружейного сейфа пару пушек и вышел на связь через ручной терминал.

– Серж?

– Босс?

– Мне нужен ты и еще один. Возьмем наркодилера.

Тишина на линии застала его врасплох. Бык ждал. Молчание тоже что-то значило.

– Слушаюсь, – сказал Серж. – Сейчас буду.

Через десять минут Серж вошел в кабинет с широкоплечей мрачной женщиной по имени Корин. Удачный выбор, Бык сделал в уме заметку в пользу Сержа и вручил обоим безопасникам по пистолету. Корин проверила магазин, убрала оружие в кобуру и застыла в ожидании. Серж покидал свой из руки в руку, оценивая вес и удобство, пожал плечами.

– Как будем действовать?

– Идете со мной, – сказал Бык. – Если кто-то попытается мне мешать, предупредите один раз, потом стреляйте.

– Прямо и откровенно. – В голосе Сержа слышалось одобрение.

Продовольственный комплекс размещался в глубине корабля, близко к массивной пустой внутренней поверхности. При долгом полете к звездам он оказался бы рядом с фермами замкнутого мирка «Наву». В «Бегемоте» рядом не было ничего. Чтобы превратить логику в нелепость, стоит лишь изменить контекст. Бык вел электрокар, пенковые колеса жужжали по эстакадам. Люди в холлах и коридорах останавливались, провожая их взглядами. Кое-кто откровенно глазел. Трое вооруженных безопасников – это неспроста. Бык сам не знал, что оно должно означать.

У чанов запах изменился. Здесь в воздухе было больше неотфильтрованных летучих частиц. Комплекс состоял из множества труб, баков и перегонных колонок. Половина оборудования бездействовала – лишние мощности засыпали нафталином в ожидании, пока придется кормить большое население. Или пока их снимут и выкинут.

Алекси они застали по колено в одном из бассейнов, на ногах у него были высокие оранжевые сапоги, а в руках – густая зеленая масса водорослей. Бык ткнул пальцем в него, потом в мостки, на которых стояли его люди. Если на лице Алекси и мелькнуло беспокойство, оно тут же пропало.

– Я сейчас не могу выйти, – сказал дилер, поднимая вверх большой влажный лист, – занят.

Бык, кивнув, обернулся к Сержу.

– Оставайтесь с ним, никуда не отпускайте. Я сейчас вернусь.

– Са-са, босс, – отозвался Серж.

Спустившись по трапу и перейдя холл, Бык попал в раздевалку. Стойка с горохово-зелеными шкафчиками была сорвана со стены и развернута на девяносто градусов, в направлении тяги. По краям остались неопрятные пузырьки и волокна герметика. Двое техников в разных стадиях раздетости сидели на скамейках, игриво переговариваясь. Они смолкли, увидев Быка, но тот улыбнулся им, кивнул и прошел к дальнему шкафчику. Дойдя до него, обернулся.

– Этот занят?

Техники переглянулись.

– Нет, сэр, – ответила женщина, придавая своему трико некоторую скромность. – Здесь большая часть свободна. – Вот и хорошо.

Бык набрал единый код и потянул дверцу на себя. Внутри лежал серый с зелеными вставками солдатский ранец – в такой Бык укладывал свои вещи, когда собирался к переводу на новое место. Он провел пальцем вдоль клапана. Около сотни пузырьков с желтоватым порошком, чуть более зернистым, чем сухое молоко. Закрыв ранец, Бык повесил его на одно плечо.

– Что-то случилось? – спросил техник-мужчина. В голосе был не страх – осторожное любопытство. И даже возбуждение. Ну-ну, бог любит тупых. Бык их тоже любил.

– Майерсон-Фрейд прекращает торговлю «порошком пикси», – сказал он. – Предупредите своих, а?

Техники, подняв брови, переглянулись. Бык вернулся к водорослевым бакам, сбросил рюкзак и снова указал Алекси на мостки рядом с собой. Вот теперь торговец помрачнел. Бык дождался, пока парень, медленно шагая по воде, подберется поближе и вылезет на мостки.

– В чем дело? – спросил Алекси. – Что у вас тут?

Бык медленно, всего один раз, мотнул головой. Кривая усмешка Алекси вполне сошла бы за признание – если бы Бык в нем нуждался.

– Хэй, эсе, – проговорил он, – в смысле, извиняюсь.

И ударил Алекси в нос. Хрящ и кость хрустнули под кулаком, ярко-красная кровь хлынула в изумленно разинутый рот.

– Берите его на карт, – приказал Бык, – пусть люди посмотрят.

Серж с Корин переглянулись – совсем как та парочка в раздевалке.

- В камеру, босс? – В ответе Серж явно не нуждался.
- У нас есть камеры? – удивился Бык, закидывая ранец на плечо.
- Вообще-то нет.
- Тогда и не надо.

Бык проложил маршрут через самые оживленные части корабля. Слухи уже разлетелись, зрителей хватало. Алекси в перерывах между воплями и мольбами доставить его к капитану тонко поскуливал. Из глубин памяти всплыла свинья, которую тащили на бойню, – Бык видел такое в молодости. Не помнил, когда именно, но воспоминание осталось и плавало без привязки к конкретным событиям жизни.

До шлюза добирались целых полчаса. Собралась толпа, можно сказать, море людей, почти все – хрупкие и большеголовые. Астеры смотрели, как землянин убивает одного из них. Бык не обращал на них внимания. Он набрал свой пароль для входа, открыл внутреннюю дверь шлюза, вернулся к карту и одной рукой поднял Алекси. При малой тяге это не требовало труда, и все же Бык запыхался, пока добрался до шлюза, – еще и потому, что Алекси бился у него в руках. Бык затолкнул его в шлюз, закрыл внутреннюю дверь и, не выкачивая воздуха, открыл наружную. Хлопок отдался в обивке звоном далекого гонга. Монитор показал пустой шлюз. Бык закрыл наружный люк и, оставив механизмы накачивать новый воздух, вернулся к карту. Встал на то место, откуда сдернул Алекси, поднял на руках ранец. На рукаве и на левом колене у него остались пятна крови.

– Это – «порошок пикси», так? – обратился он к толпе. Бык не использовал усилитель звука в своем терминале – не было надобности. – Я оставлю его в шлюзе на шестнадцать часов – потом выкину в космос. Если до тех пор в шлюзе появится еще порошок – что ж, бывает, ничего страшного. Отправится туда же, и все дела. Вот если пропадет – беда.

Так что скажите всем. Следующий пендехо, который выйдет на работу под кайфом, будет иметь разговор со мной.

Он медленно, напоказ всем, направился к шлюзу. Открыл внутреннюю дверь, забросил ранец и отошел, оставив шлюз открытым. Возвращаясь на водительское место, Бык чувствовал общее напряжение – и не думал о нем. Думал он о другом. Пока сделано самое простое. Дальше будет труднее, потому что тут не всё в его власти.

– Поставить охрану, босс? – спросил Серж.

– Думаете, нужно? – отозвался Бык. Он не ждал и не услышал ответа. Карт двинулся вперед, толпа раздавалась перед ним, как стадо антилоп перед львом. Бык свернул на эстакаду, которая должна была вывести к офису службы безопасности.

– Круто, – сказала Корин. У нее это прозвучало похвалой.

* * *

Офис капитана был отделан в религиозном духе. Ангелы в голубых и золотых одеяниях поддерживали арку, свод сходил к бесстрастному бородатому лику Бога. Благодетельный Христос смотрел со стены позади стола Ашфорда, арийский лик Сына Божьего казался спокойным и безмятежным – он совсем не был похож на окровавленного, изломанного распятого, знакомого Быку. По сторонам от Спасителя красовались символы благоденствия: колосья, козы, коровы и звезды. Капитан Ашфорд расхаживал мимо коленей Иисуса, багровый от ярости. Мичо Па сидела на месте для посетителей, старательно не глядя ни на Быка, ни на капитана. Все проблемы марсианских научных судов и земной флотилии были на время забыты.

Бык не позволил себе выказать тревоги.

– Это недопустимо, мистер Бака!

– Почему вы так считаете, сэр?

Ашфорд остановился, оперся широкими ладонями на стол, склонился вперед. Глядя в его покрасневшие глаза, Бык задумался о том, когда капитан в последний раз высыпался.

– Вы убили члена моей команды, – сообщил Ашфорд. – Открыто и преднамеренно, на глазах сотни свидетелей.

– Ох, кому нужны свидетели, если есть камеры наблюдения, – сказал Бык. Зря он это сказал.

– Вы отстранены от должности, мистер Бака. И помещаетесь под домашний арест до возвращения на станцию Тихо, где предстанете перед судом за убийство.

– Он сбывал команде наркотик.

– Значит, его следовало *арестовать!*

Бык глубоко вздохнул и медленно выдохнул через нос.

– Как вы считаете, у нас тут военный корабль или космическая станция, сэр? – спросил он. Ашфорд наморщил лоб, покачал головой. Рядом с Быком шевельнулась на стуле Па. Не дождавшись ответа, Бык продолжил: – Я вот почему спрашиваю: если я коп, то да, я должен был отправить его в тюрьму – если бы у нас имелаась тюрьма. И должен был предоставить ему адвоката. Я бы проделал все это. Но я считаю, что у нас тут боевой корабль и моя обязанность – поддерживать дисциплину в зоне потенциальных военных действий. Не земную дисциплину. Не марсианскую. Астерскую.

Ашфорд распрямился.

– Мы не анархисты, – процедил он, изобразив на лице презрение.

– Согласно традициям АВП – поправьте меня, если ошибаюсь, – всякий, повинный в преднамеренных действиях, подвергающих корабль риску, пешком оправляется до мест, где есть воздух, – заметил Бык.

– Вы его выгнали из чана. Чем он был опасен кораблю? Грозил забросать его водорослями? – колко спросила Па.

– Люди выходили на работу под кайфом, – проговорил Бык, сплетая пальцы на колене. – Не верите мне – спросите других. Да что там – конечно, выходили. Работы втрое больше, чем мы можем выполнить. «Порошок пикси» – и люди не чувствуют усталости. Не требуют перерывов. Не замедляют темпа. Успевают сделать больше. Ошибки? Чтобы заметить ошибки, нужна ясная голова. У нас уже есть раненые.

Погибшие – дело времени. И хорошо, если только погибшие. – Вы говорите нам, что этот человек был в ответе за плохую работу других и потому вы его убили? – произнес Ашфорд, но уже без прежней уверенности. Паруса обвисли, он вот-вот обмякнет, как мокрая картонка. Бык понимал, что слабость Ашфорда сегодня работает на него, но все же видеть такое ему было противно.

– Я говорю, что он подвергал корабль опасности ради финансовой выгоды, – а это все равно что воровать воздушные фильтры. Коли есть спрос, будет и предложение. Не этот, так другой. Если бы я запер его, риск для торговца повысился бы, повысились бы и цены. Ведь если попадешься, рискуешь угодить за решетку – когда вернемся на Тихо.

– А вы сделали риск смертельным.

– Нет, – возразил Бык. – То есть да, но я его не застрелил. Я поступил с ним так, как поступают с людьми, рискующими кораблем. Астеры знают, что такое «вышвырнуть из шлюза».

Дело закрыто.

– Это была ошибка.

– У меня список из пятидесяти членов экипажа, которым он сбывал товар, – ответил Бык. – Среди них есть квалифицированные специалисты, пара человек из среднего командного состава. Можно было бы арестовать их всех, но тогда осталось бы меньше рабочих рук. К тому же они больше не станут этим заниматься – снабжение прервано. Но, если хотите, могу с ними побеседовать. Чтобы знали, что мы всё видим.

Па невесело хихикнула.

– Вам будет сложно заниматься этим, сидя в тюрьме.

– А у нас нет тюрьмы, – напомнил Бык. – Предполагалось, что мормонские старейшины будут улаживать все проблемы словами.

Он очень старался не допустить в голос сарказма.

– Подобное не должно повториться, – сказал Ашфорд. – Сочтите, что кого-то следует выкинуть из шлюза, – обратитесь ко мне. Нажать кнопку должен буду я.

– Хорошо.

– Что «хорошо»? – выкрикнул капитан. Бык потупил взгляд. Он добился своего, надо и Ашфорду дать почувствовать себя победителем.

– Я хотел сказать: слушаюсь, сэр, капитан. Приказ получен, понят и будет исполнен.

– Именно так, черт возьми, – кивнул Ашфорд. – А теперь ступайте работать.

Закрыв за собой дверь, Бык привалился к стене и тяжело перевел дыхание. Вокруг гудел корабль – он остро воспринимал тихий гул воздуховодов, отдаленный ропот голосов, гудки и звонки множества работающих систем. Запах пластика и озона.

Бык шел на обдуманый риск – и выиграл.

Спускаясь с уровня на уровень, он ощущал нацеленное на себя внимание. В лифте попутчики отводили глаза. В холле перед кабинетом ему кивнула и улыбнулась какая-то женщина, нервная, как учуявшая кошку мышь. Бык ответил на улыбку.

В кабинете Серж и еще один из его команды – Казимир с Европы – подняли кулаки, приветствуя босса астерским жестом. Бык ответил тем же и спокойно прошел к своему месту.

– Что у нас?

– Два десятка посетителей, желающих заверить в своем почтении, – ответил Серж. – Откуда-то выплыло еще полкило порошка.

– Вот и хорошо.

– Я записывал посетителей. Пометить их в системе?

– Не надо, – возразил Бык. – Я сказал, что это пустяк.

Можете стереть список.

– Слушаюсь, босс.

– Я буду у себя, – сказал Бык. – Если что, дайте знать. И пусть кто-нибудь сварит кофе.

Он сидел на столе, поставив ноги на стул и склонившись вперед. Силы вдруг кончились. День выдался дурной, долгий, и тот ужас, который он носил в себе несколько недель, словно выбравшись из-под замка, набросился на него. Только через пару минут Бык заметил, что его ждет сообщение от Мичо Па. Старпом не запрашивала связь. Значит, разговаривать не собирается, а хочет просто что-то сказать.

На экране появилось ее лицо, освещенное снизу отблеском от терминала. Улыбка выглядела натянутой и кончалась где-то на уровне скул.

«Я видела, что вы сделали. Очень мило. Очень умно. По-«казали себя человеком АВП, заставили старика задуматься, не поддержит ли вас команда. ”Я больше астер, чем вы”. Изящно!»

Бык поскреб подбородок. Щетина с утра отросла и шуршала под ногтями, как наждак. Наверное, не стоило надеяться, что он этим делом не наживет врагов, но жаль, что врагом оказалась Па.

«Меня вы не обольстите. Мы оба знаем, что в убийстве нечем восхищаться. И забывать об этом я не собираюсь. Надеюсь, в вас еще жива душа, которая вам тоже не даст забыть».

Запись кончилась, и Бык устало улыбнулся погасшему экрану.

– Конечно, – сказал он терминалу, – и в другой раз буду помнить.

Глава 10. Холден

«Росинант» был немаленьким кораблем. Обычная его команда предусматривала больше дюжины матросов и офицеров, а в особых случаях он мог взять на борт еще и шестерых десантников. Чтобы справиться вчетвером, каждому приходилось исполнять по несколько обязанностей, так что на отдых оставалось не много времени. И поэтому в начале пути легко получалось не замечать четверку чужаков, поселившихся на корабле. Документалистам был закрыт вход в рубку, на шлюзовую палубу и в машинный зал, им оставались два жилых уровня: свои каюты, галльон, камбуз и медотсек.

Моника была очаровательна. Спокойная, приветливая, обаятельная. Если хоть часть обаяния передавалась через камеру, не приходилось удивляться ее успеху. Остальные – Окью, Клип и Коэн – проявляли дружелюбие, перешучивались с командой, приглашали на ужин. Так сказать, протягивали руку дружбы, но Холден еще не разобрался, был ли это обычный медовый месяц, как всегда случалось в начале долгого пути, или более тонкий расчет. Возможно, и то и другое.

Одно он видел точно: его команда сторонилась новичков. На третий день пребывания документалистов на борту Наоми почти не вылезала из рубки, попросту спряталась. Амос нерешительно подбивал клинья к Монике, чуть более серьезно приударил за Окью и, не добившись успеха, теперь большую «часть времени проводил в мастерской. Один Алекс находил время на общение с пассажирами, да и тот не часто. Он завел привычку иногда спать прямо в пилотском кресле.

Они согласились на интервью, и тянуть время до бесконечности было невозможно. Со старта не прошло и недели, а до цели, даже при высокой тяге, оставался не один месяц. К тому же контракт есть контракт. Эта неуютная мысль позволяла Холдену забыть, что с каждым днем они приближаются к Кольцу и к тому неизвестному, к чему его призывал Миллер. Почти забыть.

– Суббота, – сказала Наоми, развалившись в амортизаторе перед коммутатором. Она давно не стриглась, и отросшие волосы начали ей мешать. Последние десять минут она пыталась заплести косички. Упругие черные кудряшки не поддавались, расплетаясь, словно живые. Холден по прошлому опыту знал: скоро она в досаде укоротит волосы вдвое. Наоми нравилось представлять себя с длинными волосами, но на деле они ее раздражали. Холден, сидя перед панелью управления боем, рассеянно наблюдал за ее мучениями.

– Ты меня слышишь? – спросила Наоми.

– Сегодня суббота.

– Мы приглашаем гостей на ужин?

По корабельному обычаю команда при любых условиях старалась раз в неделю собираться за столом. В какой день – не важно, но по молчаливому соглашению это обычно оказывалась суббота. На борту дни недели не имели большого значения, но Холдену нравилось отмечать конец прошедшей недели и начало новой. Это было что-то вроде мягкого напоминания, что, кроме них четверых, где-то существует еще и Солнечная система.

А вот пригласить на ужин пассажиров ему в голову не приходило. Субботний ужин – для своих!

– Они все равно заявятся, – вздохнул он. – Или мы спрячемся?

– Не выйдет, разве что поужинаем прямо здесь. На камбуз ты их допустил.

– Черт, – ругнулся Холден, – надо было запереть по каютам.

– На четыре месяца?

– Подпихивали бы им под двери пайковые плитки и мешки с катетерами.

Усмехнувшись, Наоми напомнила:

- Готовить очередь Амоса.
- Ладно. Свяжусь и скажу ему, что ужин в восемь.

* * *

Амос приготовил пасту с грибами, щедро сдобрив их чесноком и пармезаном. Это были его любимые блюда, и он всег да старался купить настоящие дольки чеснока и натереть настоящий пармезан. Еще одна маленькая роскошь, которая окажется не по карману, если они проигрывают бой с Марсом в суде.

Пока Амос обжаривал грибы с чесноком, Алекс накрыл на стол и принял заказы на напитки. Холден сел рядом с Наоми, команда документалистов заняла другой конец стола. Застольная болтовня была вежливой и дружелюбной, а если в ней и ощущались подводные течения, Холден так и не сумел распознать их источник.

Капитан попросил не брать к столу камер и оборудования для звукозаписи, и Моника согласилась исполнить просьбу. Марсианин Клип обсуждал с Алексом историю спорта. Коэн с Окью, сидевшие напротив Наоми, травили байки о последних съемках – оба работали на научной станции на стационарном спутнике Меркурия. Казалось бы, приятные разговоры, но что-то было не так.

– Мы обычно не так хорошо питаемся в полете, – заметил Холден, – но для еженедельного общего ужина стараемся придумать что-нибудь повкуснее.

– Чудесно пахнет, – улыбнулась Окью. На пальцах у нее было полдюжины колец, на блузке – пуговицы, серебряный кулон, а в курчавых каштановых волосах – гребень цвета слоновой кости. Звукооператор спокойно устался в никуда, черные очки скрывали верхнюю часть его лица, но выражало оно спокойное радушие. Моника, взглянув на него поверх голов, промолчала и тонко улыбнулась.

– Жуйте, – сказал Амос, выставляя на стол миски с едой. Когда порции передали по кругу, Окью, склонив голову, что-то пробормотала. Холден с запозданием понял, что она молится. В последний раз он видел такое много лет назад, когда жил дома. Один из его отцов, Цезарь, иногда читал молитву перед трапезой. Холден дождался конца молитвы и только тогда взялся за еду.

– Очень вкусно, – похвалила Моника, – спасибо.

– На здоровье, – ответил Холден.

– Со старта прошла неделя, – продолжала она, – и, помоему, все успели устроиться. Я подумала: нельзя ли выделить время для предварительных интервью? В основном чтобы проверить оборудование.

– У меня возьмите, – предложил Амос, не скрывая насмешливой ухмылки.

Моника улыбнулась ему и наколола на вилку гриб. Отправляя его в рот и медленно прожевывая, она не отвела взгляда. Дожевав, кивнула.

– Отлично. Можно начать с прошлого. Балтимора?

Молчание вдруг стало колючим. Амос начал вставать, но Наоми тихонько удержала его за плечо. Он открыл и закрыл рот, устался в тарелку, бледная кожа на голове и загривке наливалась кровью. Моника тоже глядела себе в тарелку, и лицо ее выражало тонкую смесь смущения и злости.

– Неудачная идея, – вмешался Холден.

– Капитан, я признаю, что у вас и ваших людей есть болезненные темы, но мы договорились. А вы, не в обиду будь сказано, обращаетесь с нами как с незванными гостями.

На столе остывала почти нетронутая еда.

– Понял. Вы свои обязательства выполнили, – признал Холден. – Вытащили меня с Цереры, и ваши деньги у нас в карманах. А мы своей половины не выполняем. Понял.

Я выделю час завтра с утра, подойдет?

– Конечно, – сказала Моника. – Давайте поедем.

– Балтимора? – обратился к Амосу Клип. – Болееешь за футбол?

Амос промолчал, и Клип не стал настаивать на ответе.

* * *

После мучительного ужина Холден думал только о постели. Но пока он чистил зубы, в галльон словно бы невзначай заглянул Алекс и попросил:

– Зайди в рубку, кэп, поговорить надо бы.

Поднявшись за ним в кубрик, Холден уже застал там Амоса и Наоми. Наоми развалилась, закинув руки за голову, а вот Амос сидел на краешке амортизатора, прочно упираясь ногами в пол и сжав кулаки. Лицо его было темным от злости.

– Вот что, Джим, – заговорил Алекс, повалившись в соседний амортизатор, – начало не из лучших.

– Она нарыла на нас материал, – бросил Амос, ни к кому не обращаясь и глядя в пол. – Вещи, которых ей знать не положено.

Холден его понимал. Намек на Балтимору относился к детству Амоса – появившегося на свет как плод самой мерзкой ветви незаконной проституции. Но признать, что это известно и ему, Холден не мог. Он сам узнал, случайно подслушав разговор, и не желал еще сильнее унижать друга.

– Она журналистка, эти всегда роются в прошлом, – сказал он.

– Не так все просто, – вставила Наоми. – Она милая. Дружелюбная, очаровательная, и всем нам, здесь присутствующим, хочется думать о ней хорошо.

– Это плохо? – удивился Холден.

– Просто дерьмово, – буркнул Амос.

– Я не случайно попал на «Кентербери», Джим, – заговорил Алекс, и его ковбойский тягучий выговор – напоминание о детстве в долине Маринера – показался не смешным, а грустным. – И мне ни к чему перетряхивать скелеты.

Ледовоз «Кентербери», на котором они все летали до катастрофы с Эросом, был рабочей лошадкой. Команда собиралась из людей, опустившихся ниже уровня некомпетентности, или с темным прошлым, мешавшим найти работу получше. Досье Холдена пятнало позорное увольнение из земного флота. Проработав со своей командой не один год, Холден не сомневался, что с компетентностью у них все в порядке, – значит, были иные причины попасть на «Кент».

– Знаю... – начал он.

– Со мной та же история, кэп, – перебил Амос. – У меня в прошлом много всякого... прошлого.

– И у меня, – вступила Наоми.

Холден начал отвечать, когда до него дошло. Наоми скрывала что-то такое, что заставило ее взяться за тупую работу на «Кентербери». Ну конечно, скрывала. Это было очевидно, просто Холдену не хотелось думать ни о чем таком. Он не встречал инженеров талантливей Наоми. Она получила степень в двух университетах и сдала трехгодичную полетную стажировку за два года. Она явно начинала карьеру с командных должностей. Потом что-то произошло, и она никогда не заговаривала об этом. Холден вопросительно шевельнул бровью, но она легчайшим движением головы посоветовала не спрашивать.

Сейчас Холден в полной мере осознал, как хрупка их семья. Они шли друг к другу такими разными дорогами, что сама встреча казалась невероятной. И как легко миру разбросать их в стороны. Почувствовав себя маленьким и беззащитным, Холден невольно ошетинился.

– Вы не забыли, почему мы на это пошли? – обратился он к команде. – Не забыли, что сидели под замком, а за «Росинантом» охотился Марс?

– Выбора не было, – поддержала его Наоми. – Знаем. Все согласились взяться за эту работу.

Амос кивнул, Алекс подхватил:

– Никто и не утверждает, что не надо было браться. Мы говорим, что ты в нашем оркестре – первая скрипка.

– Да, – пояснила Наоми. – Твое дело – так заинтересовать этих журналистов, чтобы они забыли об остальных. На все время полета. Другого выхода нет.

– Есть, – не поднимая глаз, проговорил Амос, – есть и другой, но мне еще не доводилось вышвыривать из шлюза слепца. Не уверен, что мне это понравится.

– Хорошо. – Холден примирительно повел ладонями. – Я понял. Сделаю все, чтобы ваши лица не попадали в камеру, – но рейс будет долгим. Наберитесь терпения. Может, к тому времени, как доберемся к Кольцу, мы им наскучим и сумеем сплавить их на другой корабль.

Минуту все молчали, потом Алекс покачал головой.

– Ну, – сказал он, – хоть одна причина торопиться туда.

* * *

Холден вскинулся во сне и яростно потер зачесавшийся нос. Казалось, будто что-то пытались в него заползти. На корабле не водилось букашек, значит, это был сон. Хотя зуд ощущался вполне реально. Почесывая нос, он шепнул:

– Извини, что-то приснилось, – и похлопал по кровати рядом с собой.

Пусто. Наоми, должно быть, вышла в туалет. Он шумно задышал через нос, пытаясь избавиться от зуда. На третьем выдохе из носа выпорхнул и отлетел в сторону голубой светлячок. Тогда он сообразил, что в воздухе стоит слабый запах ацетона.

– Надо поговорить, – произнес из темноты знакомый голос.

У Холдена перехватило дыхание, сердце заколотилось молотом. Закрыв лицо подушкой, он подавил рвавшийся из груди вопль – бессильная злоба смешалась со старым знакомым страхом.

– Так вот. Этот галчонок, – начал Миллер, – славный мальчишка, тебе бы он не понравился.

– Хватит с меня этой фигни. – Холден, отняв подушку от лица, швырнул ее в направлении голоса.

Попал по панели выключателя, и комната осветилась. Миллер стоял у двери в том же мятом сером костюме, в нелепой шляпе, ерзая, как чесоточный. Подушка лежала позади него.

– Представляешь, он так и не научился прибираться комнату, – продолжал Миллер, шевеля черными губами. – По углам, у двери. Я пытался его научить. Главное – углы и двери.

Холден потянулся к коммутатору, хотел вызвать Наоми, но удержал руку. Хорошо бы она пришла, изгнав привидение своим присутствием, но Холден боялся, что на сей раз Миллер не исчезнет.

– Послушай, надо расчищать пространство, – морщась, словно от навязчивого воспоминания, твердил Миллер. – Если не расчистишь пространство, оно тебя съест.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил Холден. – Зачем вытащил сюда?

Лицо Миллера отразило тяжелую усталость.

– Черт побери, ты что, не слышишь меня? При виде комнаты, полной костей, ты знаешь одно: что кого-то убили. Ты хищник, пока не стал жертвой.

Он замолчал, уставившись на Холдена. Ожидая ответа. Не дождавшись, Миллер шагнул к кровати. Что-то в его лице напомнило Холдену о тех случаях, когда коп у него на глазах стрелял в людей. Открыв шкафчик у кровати, он вытащил пистолет.

– Не подходи! – Он держал оружие, не наводя его пока на Миллера. – Только честно: если тебя пристрелить, ты хоть умрешь?

Миллер рассмеялся. Лицо его стало почти человеческим.

– Всяко может быть.

Открылась дверь, и Миллер пропал – как погас. Вошла Наоми, в халате, с грушей воды в руке.

– Проснулся?

Холден кивнул и убрал пистолет в шкафчик. Должно быть, Наоми все поняла по его лицу.

– Ты в порядке?

– Да. Он исчез, когда ты открыла дверь.

– Выглядишь ужасно. – Наоми поставила воду и шмыгнула к нему под одеяло.

– Он стал страшнее. Раньше я думал... ну, ты знаешь, что я думал. Но с тех пор, как он узнал о прыжке в портал, я пытаюсь понять, что же он хочет сказать. Легче было, когда я принимал его за что-то вроде помех в эфире. Тогда это... ничего не значило.

Наоми прижалась к нему, обняла, и Холден почувствовал, как расслабляются мускулы.

– Нельзя, чтобы об этом пронюхала команда Моники, – сказал он. Наоми грустно улыбнулась. – Ты что?

– Джеймс Холден уже не рвется все и всем рассказать, – усмехнулась она.

– Это другое дело.

– Понимаю. А что он говорил? – спросила она после паузы. – Ты что-нибудь понял?

– Нет, но он говорил о смерти. Все, что он говорит, – о смерти.

* * *

На протяжении следующих недель на корабле установился распорядок, пусть не слишком удобный, но устраивающий всех. Холден проводил время с документалистами, позволял себя снимать, показывал корабль, отвечал на вопросы. Каким было детство? Любовь, сложности, горько-сладкий вкус. Правда ли, что он спас Землю, уговорив полусонную девушку, из которой проросло семя протомолекулы, свернуть к Венере? Нет, скорее просто так сложилось. Он о чем-нибудь жалеет?

Он улыбался и делал вид, что ему нечего скрывать. Что к Кольцу его ведут только условия контракта, что он не избран протомолекулой для совершенно непостижимой цели.

Временами Моника обращалась к остальным, но Алекс с Наоми отделялись вежливыми, доброжелательными и пустыми ответами. Амос уснащал свои веселыми и красочными непристойностями, так что отредактировать запись до цензурного уровня оказывалось невозможно.

Коэн оказался не просто звукооператором. В черных очках скрывалась локаторная система, создававшая для него трехмерную модель окружающего пространства. На вопрос Амоса, почему он не предпочел протезы, Коэн объяснил, что несчастный случай, в котором он потерял глаза, выжег и зрительные нервы. Восстановительная терапия не помогла: началось неконтролируемое разрастание мозговых тканей, и он чуть не погиб. Зато система, позволявшая преобразовывать данные локаций в трехмерные объекты, наделила его редкими способностями в области объемного моделирования. Пока Моника вытягивала из Холдена повесть о гибели «Кентербери», Коэн создавал прекрасные видеоиллюстрации к каждой сцене. Однажды он показал команде короткий ролик с рассказом Холдена о гибели зараженного протомоле-

кулой Эроса, в котором рассказчик словно двигался по точно воспроизведенным коридорам, забитым телами.

К интервью Холден привык и даже начал получать удовольствие, но картинку с Эросом он, вытерпев несколько секунд, попросил отключить. Он был уверен, что просмотр непременно вызовет явление Миллера, но этого не произошло. Воспоминания, поднятые той историей, не радовали Холдена. Съёмочная группа не тропила его, позволяла перевести дыхание, собраться с силами для продолжения. От сочувствия почему-то становилось еще тяжелее.

«Бегемот» они догнали в неделе пути до Кольца. Когда громадный корабль АВП приблизился настолько, что стал различим в телескопы «Роси», Моника сидела с командой в рубке. Распоряжения Холдена об ограничениях доступа понемногу забылись.

Документалисты снимали обзорные виды «Бегемота», когда Алекс, присвистнув, указал на выступ на обшивке.

– Черт, босс, не припомню, чтоб мормоны так вооружались. Это же рельсовая пушка. А вот это, ставлю свой компот за неделю, торпедные аппараты.

– Кораблем поколений он мне был милее, – заметил Холден и, вызвав боевую программу, приказал «Росинанту» пометить новые обводы «Бегемота» как «дредноут класса “Бегемот”» и добавить в профиль угроз все замеченное вооружение.

– Такое воровство сходит с рук только государству, – позавидовал Амос. – Похоже, АВП стал реальной силой.

– Ага, – хихикнул Алекс.

– Марсиане выдвигают такие же претензии к нам, – заметил Холден.

– И они были бы правы, если бы мы взорвали их дредноут, прежде чем улететь на этой лодочке, – сказал Амос. – Только, как мне помнится, его торпедировали наши враги.

Наоми не встревала в разговор, занятая работой на панели связи. Холден, услышав, как она напеваает без слов, понял, что работа сложная.

– Вы бывали на «Наву»? – спросила Моника.

– Нет, – ответил Холден. «Росинант», рассчитывая боевую мощь «Бегемота», вываливал данные ему на экран. – Когда я в первый раз попал на Тихо, корабль еще строился, а к тому времени, как стал работать на Фреда Джонсона, они уже выстрелили им в Эрос, и корабль, промахнувшись, ушел за пределы Солнечной системы. Вот на корабле, который отрядили на поимку, я был.

Данные «Росинанта» удивляли. Кажется, корабельный мозг полагал, что «Бегемот» не обладает структурной прочностью для поддержки того вооружения, которое он выставлял напоказ. Собственно, «Росинант» уверял, что если корабль АВП выстрелит одновременно хотя бы из двух больших рельсовых пушек, его обшивка с вероятностью в тридцать четыре процента лопнет. А на борту «Бегемота» таких пушек насчитывалось шесть. От нечего делать Холден приказал «Роси» смоделировать тактический пакет для боя с гигантом и послал его Алексу с Наоми. Вряд ли они в нем нуждались.

– Вам не понравилось работать на АВП? – спросила Моника, улыбаясь так, словно заранее знала ответ.

Холден подозревал, что она потрясающе играет в покер, хотя втянуть ее в игру до сих пор не сумел.

– Были и плюсы, и минусы, – ответил он с улыбкой, которой Моника ждала от знакомого ей Джеймса Холдена. Отвлеч внимание на себя.

– Джим? – Наоми наконец оторвалась от панели. – Помнишь, я говорила об утечке памяти, которую уже месяц пытаюсь выловить? Так вот, она нарастает.

– Насколько? – спросил Алекс.

– Варьируется от двадцати одной тысячной до тридцати трех сотых процента, – ответила Наоми. – Мне теперь каждые два дня приходится перезагружаться.

– Есть о чем волноваться, – засмеялся Амос. – У меня утечка мощности на целый процент. Наоми хмуро обернулась к нему.

– Ты мне не говорил.

– Ставлю месячное жалованье, что дело в изношенной проводке освещения. Будет время, сменю все на фиг.

– Такое часто случается? – спросила Моника. Алекс опередил Холдена с ответом:

– Черта с два! «Роси» – крепкий корабль.

– Да, – вставил Амос, – так крепко сбит, что дерьмовинка вроде пузырьков в памяти и горелых лампочек для него – милые забавы.

Он адресовал Монике улыбку, совершенно неотличимую от настоящей.

– Вы все-таки не ответили мне насчет работы в АВП. – Моника развернула кресло лицом к Холдену и кинула взгляд на схему угроз, рассчитанную «Роси». Оружейные порты на корпусе «Бегемота» горели злобными красными глазками. – Вы не в ссоре?

– Нет, по-прежнему друзья, – протянул Холден. – Причин для беспокойства нет.

От корпуса «Роси» отразился дальномерный луч лазера «Бегемота». Любезность за любезность. Прицельные лазеры отключены. Просто два корабля проверяют, не слишком ли сблизилась.

Нет причин для беспокойства.

Да, как же!

Глава 11. Мелба

Станни смотрел на экран из-за левого плеча Мелбы. Ладонью он тер по гладкой ткани рабочих брюк, словно хотел расслабить сведенную четырехглавую. Мелба уже знала: это у него признак нервозности. В тесноте «Сересье» ему приходилось стоять так близко, что Мелба затылком чувствовала тепло его тела. В другой обстановке такая близость с мужчиной предполагала бы интимность, а здесь ничего не значила, даже не раздражала.

– Мира!¹¹ – сказал, прихлопнув ладонью, Станни. – Да, вот здесь.

На старом мониторе в левом нижнем углу постоянно светились зеленые квадратики пикселей – ремонтировать было слишком сложно, а менять экран – не окупится. И все же он давал лучшее, чем ручной терминал, разрешение. Для неспециалиста схема запрашиваемой мощности «Принца Томаса» напоминала ЭЭГ, сейсмограмму или визуальное изображение записи Бхангра. Но за эти недели, уже складывавшиеся в месяцы, Мелба стала специалистом.

– Вижу. – Она ткнула пальцем в пик. – А откуда это, можно определить?

– Черт его знает, – ответил Станни, потирая бедро. – Видеть вижу, но чтоб мне знать, что я вижу.

Мелба незаметно провела языком по зубам, сосредоточилась, вспоминая, что говорила по поводу всплесков мощности учебная программа. Ее неопытность странным образом оказалась в плюсах команды. Станни, Рен, Боб и Соледад были лучшими практиками, но теорию недавно учила только Мелба. Порой оказывалось, что она помнит простые вещи, которые все они когда-то знали, да забыли. Соображала Мелба медленнее, зато ничего не упускала, потому что еще не знала, на какие мелочи позволительно закрывать глаза.

– Не при переходе к торможению возникает? – спросила она.

Станни крикнул, словно от боли.

– При выходе в ноль g один из регуляторов перезапускается, – сказал он. – Правда, ничего серьезного. Неловко выходит, когда все наши проповедники летают по воздуху. Все-таки надо вернуться, проверить еще раз.

Мелба, кивнув, сделала заметку в уме: прочитать, что для этого нужно. Пока она помнила только повторенную во всех трех программах фразу, что на половине пути корабль отключает тягу, переворачивается и начинает ускорение в обратную сторону и что этот момент требует особого внимания.

– Вставлю в график, – решила она и подтянула к себе расписание.

В ближайшие десять дней выпадала пауза, позволявшая вернуться на главный корабль. Она зачернила просвет, пометила его и вставила дежурство всей группы. Все это далось легко и естественно, словно всю жизнь занималась подобным. В каком-то смысле так оно и было.

Флотилия вышла на последний этап пути. Орбиту Урана миновали несколько недель назад, Солнце отсюда представлялось яркой звездой в черной бездне неба. Все факелы двигателей теперь смотрели в сторону Кольца, скорость падала с каждой минутой. Для кораблей с эпштейновской тягой это было в порядке вещей, однако Мелба не могла отделаться от ощущения, что все они стремятся прочь от цели, которая тащит их к себе против воли.

Когда говорили не о работе, единственной темой – в столовой, на тренажерах, на челноках, летящих к обслуживаемым бригадой кораблям, – стало Кольцо. Научники с Марса и их конвой уже были там, разглядывали его сквозь пустоту. Официальных сообщений не поступало, зато сорной травой разрастались слухи. Луч света, направленный в Кольцо и наткнувшийся за ним на препятствие, отражался назад, как в обычном пространстве. Но при приближении к Кольцу начинали подозрительно меняться некоторые константы. Микроволновый

---

¹¹ Смотри!

фон, исходивший из Кольца, был старше Большого взрыва. Поговаривали, что, если вслушаться в шум помех по ту сторону Кольца, можно было различить голоса мертвецов с Эроса или проклятых душ. Мелба замечала ужас в голосах рассказчиков, видела, как украдкой крестится Соледад, чувствовала давящую тяжесть. Общий нарастающий страх был ей понятен – не потому, что она его разделяла, а потому, что ее личный кризис тоже близился с каждой минутой.

Чудовищный монстр АВП был на подходе, его ожидали к Кольцу почти одновременно с земной флотилией. Не то чтобы через несколько дней, но скоро. «Росинант» уже обогнал сравнительно тихоходного «Бегемота». И она, и Холден всплывали из глубин планетной системы. Скоро их пути пересекутся. Атака, публичное унижение Джеймса Холдена и его смерть. А потом...

Странно было думать, что случится потом. С каждой новой фантазией она все легче представляла, как возвращается в жизнь Мелбы. Почему бы и нет. Кларисса Мао – пустое место, ее все равно что нет. У Мелбы Кох хоть работа имеется. И прошлое тоже. Эта мысль становилась еще притягательнее из-за своей неправдоподобности. Конечно, ей предстояло вернуться домой, вновь стать Клариссой, сделать все возможное для восстановления доброго имени семьи. Этого требовала честь. Остаться – значило уподобиться Джули.

Маленькую Клариссу старшая сестра восхищала и раздражала. Джули была хорошенькой. Умной. Чемпионкой регаты. Джули умела рассмешить отца. Джули всегда была права. Петер, младший брат Клариссы, на всю жизнь остался для нее малышом. Близнецы Майкл и Антея делили мир на двоих, общались понятными только им двоим шутками и фразами и в семье казались гостями. Джули была старшей – такой, какой хотелось стать Клариссе. За ней она тянулась. Не одна Кларисса смотрела на Джули снизу вверх. Мать тоже к ней так относилась, и это еще больше сближало Клариссу с матерью.

А потом что-то случилось. Джули ушла от них: остригла волосы, бросила школу и исчезла в пустоте. Кларисса помнила тот вечер, когда отцу сообщили. На ужин подавали кашу-марг-карри – в семейной столовой с окном в парк. Кларисса только что вернулась с урока верховой езды, и от нее еще немножко пахло лошадь. Петер опять мучил всех своей математикой, и тут мать, подняв глаза от тарелки, сказала: «Джули пишет, что уходит из семьи». Кларисса разинула рот, как если бы услышала, что солнце решило заняться политикой, а четверка – стать больше восьмерки. Не то чтобы непостижимо, но не укладывается в голове.

Отец засмеялся. Сказал, что это возрастное. Джули поживет жизнью среднего человека, нахлебается горячего и вернется домой. Но Кларисса по глазам видела – он сам себе не верил. Его идеальная дочь пропала. Отказалась не просто от отца – от всей семьи. От имени. С тех пор кешью и карри для нее всегда имели вкус победы.

Так что Мелбу, когда она сделает свое дело, придется отставить. Уложить в ящик, похоронить или сжечь. Кларисса могла бы поселиться и у братьев или у сестры. У Петера теперь был свой корабль. «Я могла бы работать на нем электрохимиком», – с улыбкой подумала она. Худшим вариантом казалось остаться с матерью. Когда станет известно, что она сделала, как спасала честь семьи, у нее будет возможность восстановить компанию. Отстроить империю под собственным именем. Пожалуй, даже спасти отца от тюрьмы и изгнания.

Эти мысли приносили с собой надежду и усталость.

Громкий звон и смех вдалеке заставили Мелбу очнуться. Она перепроверила график обслуживания на ближайшую десятидневку – проверка электросистем трех малых военных кораблей, инвентаризация карт проводки, – проставила бортовое время и закрыла терминал.

В столовой было уже полно народу, полдюжины других бригад ели, болтали, смотрели новости о Кольце и о том, как они к нему идут. Соледад сидела одна, не отрывая взгляда от ручного терминала. Она ела зеленовато-бурую кашу, напоминавшую гороховое пюре, но пахнувшую как отличный бифштекс. Мелба решила считать это паштетом – тогда выйдет совсем

недурно. Взяв себе тарелку и грушу с лимонной водой, она уселась напротив Соледад. В глазах женщины мелькнула слабая, но неподдельная улыбка.

– Привет, босс, как они, дела?

– Ничего себе, – улыбнулась Мелба. Она улыбалась чаще, чем Кларисса. Любопытное наблюдение. – Что новенького?

– Сообщение с Марса. От сего дня. Тот кораблик, что проскочил в Кольцо, – он не дрейфует.

– Правда? – удивилась Мелба. Когда удалось поймать слабый сигнал с искаленного кораблика, с которого все началось, решили было, что его сломало нечто расположенное по ту сторону. И что корабль движется по инерции. – А что, двигатели работают?

– Возможно, – кивнула Соледад. – Похоже на то, что он движется намного медленнее, чем на входе. И они послали зонды – так один из них тоже оказался захвачен. Нормальная тяга, потом бум! – и стоп. Сигнал загажен помехами, но, похоже, зонд вышел на тот же курс, что кораблик «пращика». Как будто... их ведут в одно и то же место.

– Очень странно и страшно, – согласилась Мелба, – но ведь мы и ждали жутких чудес. После Эроса-то.

– У меня отец был на Эросе, – сказала Соледад, и у Мелбы к горлу подкатил комок. – Работал в казино. В службе борьбы с хакерством, знаешь? Пятнадцать лет отработал. Хотел потом снять норку где-нибудь, где сила тяжести поменьше, и жить на то, что накопил.

– Мне очень жаль.

Соледад пожала плечами.

– Все смертны, – проворчала она, провела рукавом по глазам и отвернулась от экрана.

– А у меня там была сестра, – сказала Мелба. Она сказала правду, и даже больше, чем правду. – Моя сестра заразилась одной из первых.

– Паршиво.

Теперь Соледад, забыв об экране, смотрела прямо на нее.

– Угу.

Обе долго молчали. За соседним столом молоденький астер, стукнувшись коленями о столешницу, ругал на все корки сквалыжных земных дизайнеров. Его друзья хохотали.

– Думаешь, они еще там? – тихо спросила Соледад, кивнув на свой терминал. – Те голоса. Знаешь, передачи с Эроса. Уже после. Это же были люди?

– Они мертвы, – отрезала Мелба. – Все, кто находился на Эросе, погибли.

– Во всяком случае, изменились, – сказала Соледад. – Кто-то говорил, оно взяло их за образец. Их тела. Их мозг. Я думаю: может, они не совсем умерли? Просто воскресли другими, понимаешь? Что если их мозг по-прежнему работает, и...

Она пожала плечами, не найдя слов, но Мелба ее поняла. Изменение, даже коренное изменение – совсем не то, что смерть. Она сама тому свидетельство.

– Это важно?

– Что если их душам никогда не обрести свободы? – с настоящей болью в голосе пробормотала Соледад. – Если оно поймало их всех – твою сестру, моего папу? Если они не умерли, а Кольцо заполучило их души?

«Душ не существует, – с жалостью подумала Мелба. – Мы – мешки плоти, сквозь которые проходят слабые токи. Нет призраков, нет духов, нет душ. Остается только то, что люди о тебе говорят. Имя – оно одно важно». Так думала Кларисса.

Так сказал бы отец. Мелба не произнесла этого вслух.

– Может, потому Земля и послала столько священников, – продолжала Соледад, зачерпывая ложкой кашу. – Чтобы упокоить их всех.

– Кто-то должен это сделать, – согласилась Мелба и тоже стала есть.

Ее ручной терминал пискнул: Рен просил о личной беседе.

Мелба, нахмурившись, включила связь.

– Что такое?

Его голос прозвучал напряженно.

– Есть кое-что. Я подумал, может, ты глянешь. Аномалия.

– Иду.

Мелба оборвала связь и в два приема доглотала кашлицу, тарелку на выходе бросила в утилизатор. Рен находился в одном из складских отсеков. Нашел себе рабочее место, где высота потолка позволяла ему не горбиться. Кругом громоздились голубые пластиковые контейнеры, закрепленные на полу и друг на друге мощными электромагнитами. Ни звука, кроме ее шагов.

– Что у тебя? – спросила Мелба.

Рен посторонился, кивнул на монитор.

– Данные по воздушным фильтрам с «Сунг-Ана».

Мелба похолодела.

– Что там? – вопрос вырвался слишком резко, слишком поспешно.

– Сигналият о большом количестве посторонних примесей. Я посмотрел – это всё высокоэнергетические молекулы. Нитроэтаны и са.

Об этом она не подумала. Знала, что корабль мониторит газовый состав, но ей в голову не пришло, что частицы взрывчатки попадут в фильтры и что кто-то их заметит. Рен принял ее молчание за недоумение.

– Я составил профиль, – пояснил он. – На девяносто процентов совпадает с составом пластидовой взрывчатки.

– Значит, на борту взрывчатые вещества, – сказала Мелба. – Это военный корабль. Он и занимается взрывами, нет? – Отчаяние в ней боролось с замешательством. Она попалась. Хоть бы Рен замолчал, не говорил того, что говорит.

Что сейчас скажет.

– Больше похоже на то, что используют в шахтах, – сказал он. – Ты проверяла эту палубу. Ничего такого не заметила? Хотя можно было и не заметить. Та штука – просто замазка, пока не рванет.

– Ты думаешь, бомба? – спросила она.

Рен дернул плечом.

– Внутрики волокут с собой полный груз психопатов. Кто-то уже пытался поджечь себя. Какая-то дама держит голодовку. Извращенец выделялся перед камерой.

– Он, кстати, не политик, – заметила Мелба. – Это был перформанс.

– Я просто к тому, что у нас собралось множество разных людей с разными мыслями в головах. В таких компаниях наверх всплывает не лучшее в людях. Мои родители развелись из-за спора, относится ли мадхи к астерам. Притом все знают, что из колодцев следят за каждым их движением. Такое внимание меняет людей, и тоже не к лучшему. Может, кто-то собрался выступить с заявлением, си но?

– Ты предупредил их службу безопасности? – спросила она.

– Решил сперва с тобой посоветоваться. Но в таких случаях шиката га най. Надо бы...

«Надо бы его убить», – подумалось ей так, словно кто-то нашептал в ухо. Она видела способ. Отвлечь, чтобы он взглянул на экран, чуть ссутулился над ним. Чтобы подставил шею. Потом нажать языком на небо, чуточку пощекотать, и придет сила. Она легко его сломает... перетащит к себе в каюту. Если выбросить все из шкафа, он поместится. И герметик есть, чтобы запах разложения не проник наружу. Она подаст рапорт о пропаже сотрудника. Будет недоумевать вместе со всеми. К тому времени, как каюта освободится и его обнаружат, Мелба уже исчезнет. Даже если выяснится, что и бомбу подложила она, ее сочтут одним из агентов Холдена.

Рен смотрел на нее кроткими карими глазами, его морковные волосы были собраны в хвостик, оставляя шею открытой. Вспомнилось, как он объяснял ей про падение напряжения в фильтрах. Как мягко. По-доброму.

«Извини, – думала она. – Я не виновата. Приходится».

– Давай еще раз перепроверим, – сказала она, нагибаясь к монитору. – Покажи, где эти аномалии.

Рен кивнул, повернулся вместе с ней. Панель управления, как все на «Сересье», была ему маловата. Чтобы дотянуться, ему приходилось выгибаться. Из груди к горлу поднялся комок, перехватил дыхание. Ужас, словно она тонет. Хвостик морковных волос дрогнул и сдвинулся в сторону. На загровке, словно яблочко мишени, открылась темная круглая родинка.

– Вот, я смотрел этот рапорт, – сказал он, ткнув пальцем в экран.

Мелба провела языком по нёбу. А Соледад? Она знает о вызове Рена. Знает, что Мелба ушла к нему. Ее тоже придется убить. Куда девать ее тело? Надо будет обставить все как несчастный случай. Что-нибудь правдоподобное. Нельзя, чтобы ее остановили, когда цель так близка.

– Правда, количество примесей не растет, – сказал Рен. – Держится на прежнем уровне.

Мелба провела языком против часовой стрелки – один раз. Голова кружилась, срывалось дыхание. Может быть, одна из искусственных желез, готовясь к выбросу, уже выделяла адреналин. Рен что-то говорил, она не слышала его за шумом крови и дыхания в ушах.

«Я должна его убить». Пальцы дрожали, сердце частило. Он обернулся к ней, выдохнул носом. Он не человек – мешок плоти со слабыми токами. Она сможет это сделать. Ради отца, ради семьи. Так надо.

Голос Рена донесся словно издалека.

– Вас денкт ту?¹² Сама свяжешься или мне сообщить?

Мысли неслись вскачь и застревали одновременно. Он спрашивает, предупреждать ли «Сунг-Ан» о бомбе. Вот он о чем.

– Рен? – Голос звучал тихо и неуверенно. Голос девочки, много моложе, чем Мелба. Очень напуганной или очень опечаленной. Рен встревожился, свел брови.

– Эй, босс, ты в порядке?

Она кончиком пальца коснулась экрана.

– Проверь еще раз.

Он наклонился, вглядываясь в цифры, словно ожидал увидеть что-то новое. Она смотрела на его склоненный загривок, как на статую в музее – как на вещь. Не более того. Дважды провела языком по нёбу, и на нее снизошло спокойствие.

Шея переломилась, позвоночные диски разошлись, пучки нервных и соединительных волокон, по которым текла его жизнь, порвались. Она все била по основанию черепа, пока не ощутила, как кость проминается под ладонью, а потом настало время выносить тело. Спешно, пока их никто не застал.

Пока не грянул взрыв.

К счастью, крови было не много.

---

¹² Что ты думаешь?

Глава 12. Анна

Два часа на межконфессиональном собрании – впервые в жизни молитвы утомили Анну. Раньше молитва всегда приносила ей утешение, глубокое чувство единения с чем-то бесконечно огромным. Ее друзья-атеисты называли это трепетом перед лицом космической бесконечности. Она называла это Богом. Ее вовсе не волновала мысль, что под разными именами могло скрываться одно и то же. Не исключено, что она бросала слова молитвы в холодную равнодушную Вселенную, но чувство говорило другое. Наука одарила человечество множеством даров, и Анна уважала науку. Но одно наука отняла у людей: ценность субъективных, личных переживаний. В науке ценились только измеримые, доступные эксперименту концепции. Однако человек устроен иначе, и, как подозревала Анна, Вселенная тоже. Как-никак, среди догматов ее веры числилось «по образу и подобию».

Началось собрание приятно. У отца Мишеля был красивый низкий голос, с годами настоявшийся, как хорошее вино. Его продолжительная и сердечная молитва к Господу с просьбой направить тех, кому предстоит изучать Кольцо, отозвалась у Анны ознобом по спине. За ним старейшина Церкви человечества возносящегося провел несколько медитативных и дыхательных упражнений, от которых прибавилось сил и бодрости. Она пометила у себя в ручном терминале: скачать и прочитать их книгу о медитации. Конечно, выступали не все религии и конфессии: мусульманский имам не мог молиться перед не-мусульманами, хотя и произнес короткую речь на арабском – кто-то сделал перевод на наушники. Закончил он словами «Аллах акбар», и несколько человек в зале отозвались ему. Анна в том числе. Почему бы и нет? Простая вежливость, а по сути она согласна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.